

Ю.Белиловский

Здравствуй, папа

2025

Здравствуй, папа. Как же давно мы не общались, а? Давно.

Давай проедемся чуть-чуть. Я тебя покатаю. Садись. Вот сюда. Трость свою вот здесь можешь положить. Давай я помогу. Вот ведь, вроде и дверь большая, а неудобно. По себе знаю. Сядешь – удобно. Но, правда, как в истребителе: со всех сторон всякая всячина, а обзор никудышный. Уж сколько лет, а не привыкну никак. Всё время откуда-то пешеходы под колеса бросаются, кошки. Стойки оконные слишком большие. Или это я глубоко сижу? Подрегулировать, что ли... Ну да бог с ним. Пристегнись. А можешь не пристегиваться, если не хочешь. Я аккуратно поеду. Тоже, знаешь, годы уже не молодые. Не то что раньше. Поехали? Поехали. Где мы? Не узнаёшь? В Нешере, на Орловщине местной. Почему на Орловщине? Так нешер – это орел на иврите. Забыл? Ну или что-то такое похожее. У американцев на гербе тоже вон не орел, а орлан. Недавно выяснил случайно. Может и здесь? Какая нам разница...

Где мы едем? А помнишь, я улетал в Алма-Ату, на работу. Черт бы ее побрал ту работу! Когда ж это было-то? В девятом, наверное, летом. Ты тогда жил в этом хостеле – вот здесь: по лестнице от дороги вниз ступенек двадцать. Да, крутовато. И прямо к входу в твой хостель. Хороший хостель? Ты говорил, что всё в порядке. Так ведь? Я помню. У тебя на третьем этаже был отдельный номер, триста первый, по-моему: комната с двумя окошками, закуток под кухню в полтора квадратных метра – сразу справа от входной двери, закуток под туалет и душ – слева. Там еще какие-то ручки и поручни были специальные... Это я уже потом догадался, что это на случай, если человек совсем немощный, а в туалет нужно. Как-то на тебя это не примерялось. И ты очень этого стеснялся, а? А сейчас вот я и сам порой думаю: хорошо бы. Это по ночам, когда судороги схватывают. Никогда не думал, что судороги могут быть такими болезненными. Нет, не то слово. А какое? Ну, в общем, больно до крика. И пугает, что не отпустит. Вчера увидел, как мышцы на задней части бедра в узел завернулись, страшно стало: так на слух представлял себе заворотт кишок. Сполз на пол с кровати и пытался руками разогнуть всё, что загнулось... Прости, мой хороший. Я о своем. Обойдется. Сомневаешься? Будем считать, обойдется.

Да, так вот, я улетал. На очередные полгода или дольше. Так уж я обустроил свою жизнь тогда. Свою, твою, жизнь моей семьи... Была в тот момент семья или уже нет, я и не знаю теперь. Некогда было думать, надо было барахтаться и держать на плаву – так я тогда себе представлял – то, что можно было удержать. Вот я и держал. Но ведь ты-то тоже был, папа! Выскользнуло это из моего мира. Сейчас кажется, что можно было как-то распределиться на всех: умный, здоровый, сильный... Или неумный, больной и слабый? Не знаю уже. Назад не проживешь. А в тот раз мы попрощались с тобой еще накануне. Уже и не помню в подробностях. Один я зашел к тебе – это в сотне метров всего от моего

тогдашнего жилища – или с сыном, Борисом, твоим тезкой и внуком. Нет, не помню. Вряд ли с Ириной. А в тот момент я стоял у дома с женой и сыном, они вышли проводить меня, и ждал такси, чтобы ехать в аэропорт. И вдруг что-то кольнуло. Я оставил сумку своим и помчался к тебе. Заскочил. Ты сидел в углу в своей кухоньке и ел какой-то супчик. Седенький, маленький, лысенький... Сразу вспомнилась почему-то фуражка с летным крабом, которую когда-то давным-давно ты снимал иногда и нахлобучивал мне, малолетке, на голову. С этой вот самой головы... Я обнял тебя, а ты вдруг расплакался, помнишь?

– «Лети, сын. Я в порядке».

– «Пока, папа. Увидимся. Заскочил вот. Пока, побежал...»

Да. Побежал... А ты всё такой же. Маленький, седенький... Такой родной, мой папа... Вот здесь это было. Зайдем? Нет? Ладно, поехали дальше. Тебе удобно?

Замечательная машина, говоришь? Ничего особенного. Взял с рук, по случаю. Давно уже, лет восемь, пожалуй. С гаком. Третий Форд. Говорят, не очень надежная, да и бог с ней. Состояние хорошее, езжу я очень мало. За восемь лет тридцать с чем-то тысяч проехал. Смешно, правда? Дома я на жигулях за год столько наезжал. А то и побольше. Молодость. Да и то было дома. А здесь? Какой к черту дом. И тесно. Боже, как же здесь тесно!

Да-да, как хорошо я помню, как ты учил меня управлять сначала мотоциклом, там, в Шонгуе. То был М-72 с коляской. И я за рулем. Пятьдесят девятый, по-моему, год. Или шестидесятый? Значит, третий или четвертый класс. Рановато, а? Но очень уж я просил. А ты никогда не мог отказать ни одному моему капризу, папа. Хотя... Ведь ты и сам хотел, чтобы я умел, а? Себя в детстве увидел, правда? Это я сейчас хорошо понимаю. И вот вспомнил вдруг совсем старую фотографию. Наверное это Алексин. Мне там года три. Или больше? Сижу я на замечательном мотоцикле – это БМВ был? Да и не сижу я, а лежу на бензобаке, тянусь ручонками к рулю... А самой фотографии нет давно. Так что... Что сохранилось в моей памяти, то и осталось. Так бывает. А ты помнишь то фото? Должен ведь. Знаешь, есть у меня несколько фотографий из того моего детства, я тебе покажу.

А потом ты учил меня управлять и тем славным четыреста третьим Москвичом. Объяснял мне, как при случае нужно делать перегазовку: сцепление-газ-сцепление (или наоборот?.. ноги вспомнили бы) – это из твоей шоферской юности, так ведь? Бугульминской юности. Я не очень потревожил тебя, папа?.. Чем? Мы знаем чем... А как я перевернулся в том самом Москвиче где-то на Северном кольце. И как вам домой позвонили гаишники, которые обнаружили меня живого-невредимого рядом с разбитым в дым авто: «Ваш сын разбился». И

как обмякла и осела в обморок мама – это ты мне потом рассказал. Не очень красочно рассказал. И как ты приехал потом с краном-гусаком на сто пятьдесят седьмом ЗиЛе и всё успокаивал меня: «Всё в порядке, всё в порядке», – потому что мне нужно было вот-вот лететь в Москву поступать в институт. Ты помнишь это, папа?! Помнишь. И я помню, как будто всё это было две минуты назад: разбитая машина на встречной полосе – моя машина и ты: «Всё в порядке, сын, всё в порядке»... Сколько же хлопот я... Прости. Ты улыбаешься... Да, наверное тебе огромные хлопоты кажутся сейчас такими маленькими. Это я тоже понимаю и знаю. Уже от себя, из своей жизни. Но как хочется от них услышать: «Прости папа... Прости меня, папа»... Да хоть просто: «Здравствуй, папа. Как ты?»

А на этой машине – слышишь, как тихо она едет, как уверенно разгоняется даже в эту крутую горку – здесь нет ни перегазовки, ни тех самых синхронизаторов, ни педали сцепления вовсе – автомат. Даже не просто автомат, а робот, чтоб его... Зато вот двигателем тормозить затруднительно. Помнишь, ты учил меня тормозить двигателем? И я научился. И даже умел. В Алма-Ате, нашем родном городе, это необходимо. Вверх-вниз, вверх-вниз... А если зимой? Каток. Я умел.

Где мы едем? В Нешере, мы сейчас в Нешере, всё там же. Ты узнаешь, папа? Здесь мы прожили с тобой все эти годы, родной мой. Здесь, в Нешере, тоже вверх-вниз, вверх-вниз. Но умение тормозить двигателем вряд ли пригодится. Зимы-то нет. Хотя по дождю, а дожди здесь зимой бывают знатные, да под горку... Кто знает. Когда мы сюда только прибыли, мне казалось, подошвами почувствовал, что асфальт здесь слишком скользкий. По сухому. Сейчас-то я знаю, что он просто качеством повыше. Мягко говоря. А тогда всё время подошвой пробовал. И опасался, что будет, когда за руль сяду.

Да-да, я вижу, папа. Не беспокойся. Ну да, реакция уже не та. Сам замечаю, между «вижу» и «действую» уже не то же самое, что когда-то. Но я и езжу сейчас медленнее, сам видишь. В общем, справимся, мой хороший. Ты подремли, подремли. А я буду показывать и рассказывать. Так хорошо, что ты рядом со мной, папа. Дай я тебя за руку подержу. Хотя вон камеры на столбах. Следят. Одна рука на руле – четыре штрафных очка из двенадцати. Не наверняка, но, кажется, так.

А тот М-72... Как мы с тобой вдвоем путешествовали на мотоцикле из Алексина в Бугульму! Мама наша оттуда. В шестьдесят первом, а? Ладно, пожимай плечами. Кажется в шестьдесят первом. Летом. Раз в шестьдесят первом, значит мне тогда двенадцать было. А тебе тридцать семь. Это действительно было, а, папа? Было-было... Мы с тобой - ну да, это слишком громко: мы с тобой, но для меня-то это именно так было и есть... Мы с тобой за полгода до этого изучили и

проработали маршрут. До сих пор перед глазами – потрогать хочется - замечательный красочный «Атлас автомобильных дорог СССР» - где ты его только нашел в нашем Шонгуе, это от края света еще вёрст двести на север. На кальку перенесли с нескольких страниц маршрут: Алексин-Москва-Пенза-Сызрань-Куйбышев-Бугульма. Кажется, так. Так? Ехали двое суток. Как же классно мы ночевали! Правда ведь? Костер. Пайковые северные консервы. Огурцы! Мы их где-то по дороге купили. Не резали, просто откусывали от целого огурца. До сих пор на языке этот вкус свежего в пупырышках огурца с грядки!.. А главное – ты за рулем этого замечательного М-72. Молодой, сильный. Самый сильный! Мой папа. Папочка, родной!..

А помнишь, мы попали в дождь в длинный-длинный объезд по грунтовке. Шоссе там ремонтировали, по-моему. Все попутные машины или встали-встали, или встали-застряли. Даже нарядная только-только народившаяся диковинная Волга. Голубая или бирюзовая?.. Она обогнала нас километров за двадцать до этого. Снесло в кювет. Мужчина что-то искал в багажнике, женщины с печалью в глазах смотрели из окон. Забыл уже, помогали мы им или нет. Ничего там трагичного не было, как-то так отложилось в памяти. Помогали? Вряд ли. Нам не до того было. Надо было хоть докуда-нибудь добраться. Дождь и никакой крыши над головой. Самодельная брезентовая палатка, что лежала скаткой в багажнике коляски – толку от нее чуть. А пока все в раздумье стояли, нас аккуратно объехал трехосный ЗиЛ-151 и медленно и уверенно полез по мокрому поросшему травой склону соседнего холма туда, где, как нам объяснили собравшиеся здесь застрявшие попутчики, проходит трасса, на которую этот объезд должен был вывести километров через пять. Непреодолимых. И ты завел мотоцикл и решительно двинул по следам этого ЗиЛа. Как таскало нас по скользкому склону, как напряжены были твои руки!.. Что я чувствовал? Ты знаешь, папа, только восторг. И никакого беспокойства – ты рядом. Ничего плохого случиться не может. Ты помнишь? Я помню. Даже запах травы, которую где примял, где вывернул своими грунтзацепами тот самый ЗиЛ.

А замечательный М-72! Такой был только у нас. Цвет «кофе с молоком» - это ты мне объяснил. Как же аккуратно и ровно работал его мотор! Это сейчас я понимаю и знаю, что от М-72 в нем были только эта «М» и нашлепка на бензобаке «ИМЗ» - какое это могло иметь значение тогда? Да и сейчас тоже. БэЭмВэ – он и в Сызрани БэЭмВэ. А «ИМЗ» - мы остановились у речки – я тогда ее еще переплыл, помнишь? – подошли местные мальчишки лет, пожалуй, девяти-десяти, белобрысые и веснушчатые, и один из них со знанием дела сказал: «Имский (он произнес – «Имской») мотоцикольной завод». Я было поправил его, а ты сказал: «Молодец. Верно». Ты помнишь это, папа? А я помню. И понимаю теперь, почему я один. Не возил я своих сыновей на М-72 из Алексина в Бугульму.

И «Лучше поздно, чем никогда» не работает. Поздно – это поздно. Это и есть никогда.

Хотя не один. Ты со мной, папа. Что? Где Ирина? Эх!.. Увы. Ушла Ирина. Вы с мамой что-то понимали с самого начала. И чувствовали. Ну да, двадцать лет разница... Жениться на студентке... Наверное вы были по-житейски правы. А Ирина... Она вот это ощущала, вашу реакцию. Или ей это только мерещилось? Я во всяком случае именно это слово сказал ей, когда она тихонько пожаловалась. Ну да ладно. Это моя жизнь. Её я и расхлебываю. Я справляюсь, папа. Не бери в голову. А если по правде: не выдюжил я. Слишком много взгромоздил на себя: молодая жена, малюсенький не очень здоровый Борька, твой тезка, бестолковая эмиграция и тридцать последующих пустых лет... Да ладно, мой хороший. Всё у меня нормально. Работаю. А Ирина... Что Ирина. Пусть всё у нее будет хорошо. Какие её годы. Да и сын у нас. Где сын? Где-то здесь. Пока не очень контактим. Год уже не отвечает. Я потерплю. Люблю я его. Не случайно люблю. Борис он. Я всё налажу, папа. Обещаю. Ты не беспокойся.

А знаешь, стал я на тебя похож, папа. Когда-то каждый раз слегка усмеялся, когда ты, выйдя из квартиры и захлопнув дверь, оборачивался, приоткрывал ее и нащупывал там внутри на стене выключатель, проверял, выключил ты свет или нет. А недавно поймал себя за руку: я делаю то же самое. Генетика? А знаешь, я удовлетворен. Если во мне есть хоть что-то от тебя, я не самый плохой человек на этом свете. Можно что угодно думать о себе – это пустое. Но генетика, выключатель – это объективно. Ты меня понимаешь, папа? Ладно, подремли. Мы всё еще здесь.

А вот Василий мой – это кот, что-то вдруг пришло на ум... Серый с белым. Может быть, ты помнишь его совсем крошечным беспомощным котенком. Ирина подобрала в кустах, я в это время был в Алма-Ате. Последние годы мы жили вдвоем: Василий и я, как-то даже породнились, хотя характер у него не очень компанейский. Да и у меня, ты же знаешь, папа. Так вот, Василий мой ушел. Куда? Туда, на радугу. Уже год как. Осталась одна удивительная фотография у меня на стене: смотрит он на меня, а я не знаю, что ему ответить. Он же спрашивает. Не знаю я, хорошо ли ему было со мной. Выбора-то у него не было. Надеюсь, что нормально. Я его не обижал. Даже когда нервничал, когда было мне совсем невмоготу – а это бывало. Относился к нему с уважением, по-семейному. Надеюсь, и он относился ко мне с пониманием. Надо бы показать тебе эту его фотографию, папа. Тогда будет совсем понятно, о чем я. Хотя и так понятно. Больно. Но я справляюсь, папа. Ты веришь?

Вот всплыла вдруг в памяти старая-старая фотография. Её уже нет давно. Как нет многих – да всех – фотографий из нашего бесконечно далекого прошлого.

Два переезда – один пожар. Одна эмиграция... Не к чему приравнять. Репетиция кончины. Генеральный прогон в костюмах, гриме и декорациях. Да, фотография... Думаю, это Титан. Значит, первый или второй класс. Какие-то кусты. Скорее всего это двор нашего барака, мы ведь жили там в бараке, так? Это там мне на день рождения подарили два комплекта городков: вы с мамой и братья Пушкины, друзья мои Вадим и Саша. Вадим меня тогда на всю жизнь поразил тем, что после чего-то сладкого ложкой ел горчицу. Нет давно Вадима. Не знаю, что с Сашей. И не узнать...

...Да, фотография. Во дворе были качели, это я хорошо помню. Прохладное лето – это я теперь так оцениваю. Ну да, отсюда-то, где термометр у меня на автомобиле недавно сорок семь показал. А тогда прохладно - это было совсем нормально. Север. Так вот, на том фото я в чем-то неброском, там всё было неброское, в кепке, глаз перебинтован наискось – ячмень, а на руках у меня серенький котенок. На Василия не очень похож, у того ушки маленькие, мордочка круглая и плоская, а у здешних уши в детстве длинные и острые, а мордочка скорее чуть вытянутая – ну да, носы здешние известны, хе-хе. Но что-то же заставило меня вспомнить. А ты помнишь, папа? Это же ты фотографировал. Нет той фотографии. Да и что было в ней важного? Мальчик, котенок, ячмень, качели... Нет того котенка. И Вася вот ушел. На радугу.

А у Пушкиных я бывал, когда в Москве в командировке был. И у Петра Михайловича, друга твоего фронтового. С тетей Милей как-то ходили к нему на Ваганьковское. Впрочем, это ты знаешь. Это я еще из Алма-Аты туда летал в командировки. Еще до того, как здесь очутился. И вас зазвал... Прости. Тебе удобно? Сиденье можно немного отодвинуть – вот ручка внизу. А можно спинку наклонить назад или вперед, там сбоку ручка круглая. Попробуй, папа. Мне отсюда далеко, за дорогой нужно следить. Не нужно? Ну ладно. В общем, там, справа. А помнишь, на том самом нашем Москвиче спинка сидений откидывалась назад сразу и полностью. Тряпичная, что-то серо-зеленоватое. Жаккард, так? А если сиденье вперед до конца сдвинуть, можно постель разложить. Очень горбатую, но постель. Где-то я на ней даже ночевал... А, мы в тот раз куда-то к границе с Китаем за грибами ездили. Это я в восьмом или девятом классе учился. Нарынкол, что ли? Погранзона... И как сейчас перед глазами: возвращаешься ты, в руках ведра с грибами, через шею штаны спортивные перекинута, полные штанины груздей. Трусы сатиновые по колению и сапоги. Даже фотография была. Теперь нет. Нет-нет, я не плачу, мой ты родной. Папочка.

И Инга с нами там была. Кто такая Инга? Ты забыл? Инга это собака. Овчарка. Породистая. Жила у нас, на Ленина 89Г. А потом нам адрес сменили на Сатпаева 6. Вроде и квартира та же самая, двухкомнатная, а адрес другой.

Забавно. А Ингу ты воспитывал. На балконе. Я помню, дословно: «Была команда лежать! Лежать! Была команда...»

Я над тобой слегка подтрунивал по этому поводу, а ты улыбался и отшучивался. А как-то раз мама выгуливала Ингу, и та погналась то ли за кошкой, то ли кто-то ее раздражил – я видел из окна, как она тащила за собой маму через улицу... Потом ты отдал Ингу в питомник на перевоспитание, породистая она была по самые уши. Немного мы о ней поскучали, но, надеюсь, это я сейчас задним числом надеюсь, что там ей будет лучше. Будет?.. Было лучше. А мама... А почему у тебя слезы, папа? Не забавно, а трогательно? Так одно другому не мешает. А слезы – это у меня, оказывается. Да и ладно. Мама...

На днях мне по Вацап... Что такое Вацап? Ну это... Скажем, способ общения. Разновидность электронной почты. Что значит, электронной?.. Ну, неважно. Так вот, на днях мне по Вацап написала Таня Дудкина. Ты ее помнишь? Нет? А, ну да, Таня Люлина. Конечно же. Она теперь в Питере. Ты знаешь, чувствую, что она ко мне с какой-то особой теплотой относится. Умом понимаю, что это просто сентиментальность – во мне-то этого выше крыши – потому и стараюсь не забираться очень глубоко в чувства. Но, вижу, что у нее там тоже не всё на месте. Почему тоже? Да нет, мой хороший, это так, по привычке. Капля еврейской крови: надо чуть-чуть посетовать. Да, так вот, прислала она мне песню об Алма-Ате. Как можно прислать песню? Слова переписать и прислать? Да нет, сейчас запущу на телефоне... Вот это. А я ей отправил фото всех моих внуков. И оказалось, что внуки-то уже взрослые. Старший, по крайней мере, взрослее, чем были мы с Танечкой тогда. Как-то жизнь пролете... пролета... В общем, быстро. Но мы ведь держимся, а, папа?! Держимся. Алло! Папа! Ты со мной? Ну и слава богу.

Ты знаешь, вдруг пришло в голову, когда про мотоцикл вспоминал, как мы в Бугульме с тобой куда-то в степь выехали. Солнце, степь желто-зеленая. Но не ровная, как стол, а слегка вверх-вниз, вверх-вниз. По-моему, мы прямо по целине ехали, а не по тропинке. Солнце было и сухо. Трава чуть желтоватая. Или стерня?.. А земля серо-коричневая. Сухая, но не пыль. Стерня пожалуй... Вспомнил? Ты показал мне такую небольшую кучку земли, насыпь. Рядом с какой-то норой. Туда вглубь уходила. Размером, наверное, с твой кулак. Или мой?... Только вот почему мы вдвоем были? А мама? Витя? Он тогда совсем малюсенький был. Четыре года. А он был тогда с нами в Бугульме?.. Но раз мама была, то и Витя был. Просто мы с тобой из Алексина на мотоцикле добирались, а они параллельно поездом поехали. Или чуть раньше? Эти детали совсем размылись. ...Да, так та нора... Была у нас с собой канистра с водой. Это я сейчас так думаю. Про воду помню, а откуда мы ее взяли – нет. Но рядом никаких водоемов и ручьев не было. Это точно. Возвышенность ведь. Ты вылил в нору литров пять – это я сейчас так думаю – воды. И выскочил оттуда кто-то рыжий и

мокрый. Не очень крупный. И я его ловко поймал. А он меня очень ловко укусил, гад такой. Было больно. Я пытался от него избавиться, а он висел у меня на большом пальце и не хотел отпускать. Суслик. Потом он отпустил палец и зигзагами между невысокими кустиками травы, растущими тут и там, бросился наутек. Кричал он или нет, я не помню. А я, точно, кричал. На ногте остались две дыры от его резцов, с противоположной стороны тоже, оттуда обильно текла кровь... Ты долго отсасывал ее, помнишь? Я еще спросил сквозь слезы – это я сейчас так свои тогдашние эмоции оцениваю – не ядовитый ли он? Майн Рида я к этому моменту прочитал уже от корки до корки, всякая экзотическая живность вызывала интерес и опаску.

Даже странно, правда, папа? Суслик – экзотика, а песец, которого мы однажды с Борисом Боранаевым, моим приятелем, на сугробе увидели, почти обыденность. Это мы тогда с Борисом на лыжах по сугробам в окрестностях нашего военного городка в Шонгуе бродили. Он обычно прихватывал с собой ТОЗ-16 – мечта!.. У нас-то дома была ТОЗ-8 с диоптрическим прицелом, длинная и тяжелая для меня. А ТОЗ-16!.. Коротенькая, ладненькая! ...Да, болело долго. Суслик оказался не ядовитым и, судя по результату, не больным. Провериться, что ли?.. С той поры я опасаясь нор. Особенно сейчас: помочь-то некому. И ты знаешь, мне было больно, но не страшно. Ты рядом. Да... А песец тот смотрел на нас с сугроба, смотрел, но как только Борис потянулся рукой – очень ведь аккуратно и медленно – к своей винтовке, исчез. Был – и нет. Там своя школа жизни.

А в Бугульме – прямо сейчас вот пришло на память – сдружился я с соседским мальчиком. Анас. Татарин. Даже фамилию помню: Абдуллов или Абдулов. В диковинку мне это было, это точно. Как-то раз вскарабкался он на большой валун, принял позу точь-в-точь как пионер с горном и произнес: «Памятник Абдул Анаса». Я потом над ним потешался какое-то время: мол, памятник абдул Анаса. Объяснил ему свою версию. Он обиделся. Как я сейчас понимаю, на то, что я принизил его фамилию. Чувствую вину до сих пор. Хотя обиделся он не сильно и ненадолго.

Бабуля Настя... Мамина мама. Очень неясно помню добрую бабушку. Виделись-то всего один раз. Или два, а?.. Тетя Маша, мамина младшая сестра. Она потом к нам как-то приезжала в Алма-Ату погостить. Вот у меня фото есть, здесь она на нашей речке Алматинке с мамой. Молодые, красивые... Помню ее мужа, дядьку моего, дядю Гришу. Как он нас веселил! Была фотография бугульминская: все там вместе во дворе бабушкиного дома, у дяди Гриши на голове какая-то странная чалма, сооруженная из чего-то исподнего. Банально, а было весело, особенно нам, детям. А дети – это мои двоюродные Люся и Валерик. А фото это мне прислал Алексей, сын Люси. Списались как-то лет уже

двенадцать назад. Я не рассказывал? Просил он помочь связаться с Олегом, работу искал. Не взялся я за это. Сам понимаешь, да? Как же я завидую моим друзьям-казахам!.. Не сразу. Сейчас начал понимать. Там родня – это родня. Что-то генетическое. Борьба за выживание рода. Или вида?..

А еще там в Бугульме был бассейн с вышкой. Мы туда купаться ходили. Это если из бабушкиного дома выйти, то налево по улице и куда-то туда, в парк. Я тебя не очень утомил? Хотел показать эти наши места, мы же их давно не видели. А вместо этого вспоминаю, вспоминаю... Нет? Не утомил? Ну и ладно. Поехали дальше.

Так, стоп. Сюда на машине не пустят. Ворота. Технион. Когда вы с мамой прилетели, я как раз работал здесь. В лаборатории горения. У Якова Гольдмана. Вон там, вперед и вверх, потом налево и опять вперед и вверх. Здесь всё вверх-вниз. Как в Алма-Ате, только нужно всё уменьшить раз в тридцать. Нет, не высоту, в длину-ширину. Вы с мамой любили здесь гулять. Ну да, хоть немного похоже на что-то привычное: сосны, трава, цветы... Здесь даже «русская» поляна есть. Недалеко от моей лаборатории. Только очень уж косогоры крутые. Дома у меня на стене висит фотография: ты, мама и Борька между вами у тебя на руках. Правой рукой он обнял за шею бабушку, мою маму. Ему там года три с небольшим, пожалуй. Рубашка, синие брючки на ляпочках крест-накрест. Прищурился. Ну да, солнце. Ты крепкий и сильный. Мама седая, ухоженная. Она следила за собой, родная моя. Здесь это выглядит необычным, но она так привыкла. Сколько вам тогда было? Семьдесят один и семьдесят? Где-то так, если я правильно сориентировался во времени. Ты тогда своим замечательным Киевом-4 с Юпитером – это я об объективе - фотографировал, помнишь? Только вот экспонометру его я давным-давно голову свернул. Даже помню, как я его зачем-то разбираю. Лет за двадцать-двадцать пять до этого. Ты слегка расстроился, но не сетовал, промолчал. Только с укоризной взглянул на меня. А я знаю, как ты дорожил этим фотоаппаратом. Как же ты любил меня, мой хороший! И как же поздно наступает прозрение, приходит понимание и нисходит ответное чувство. Как же поздно!..

А в тот тот год, когда мы на мотоцикле путешествовали из Алексина в Бугульму, мы ведь сначала все вместе были в Алексине. И у меня есть фотография: там мы все в воде. Это Ока. Замечательная Ока, лучшее место в мире. Так ты написал в своих «Записках», так и я чувствую. Я там бывал нечасто, только летом, когда выбирались мы «в отпуск» из далекого Заполярья сюда, в славный город Алексин на Оке, по нынешним временам совсем недалеко от Москвы. И совсем уж близко к Туле и Калуге. Здесь на фото мама, Витя - ему здесь года четыре - у нее на руках, ты, я слегка повис на твоём плече – очень упитанный круглолицый мальчик, а на моем плече пристроился мой

замечательный алексинский друг, Женька Ефремов. Сын твоего друга на всю жизнь, дяди Кости, Константина Васильевича Ефремова. Думаю, это он и сфотографировал нас. Тогда как раз только-только родился Вова, младший брат Женьки. Потому, наверное, не было здесь тети Клавы, их мамы. Как же я их любил! В детстве ведь не понимаешь, что у этих людей своя жизнь. Раз они твои друзья, значит это твоя жизнь. И это просто прекрасно. С возрастом-то это хорошо понимаешь и чувствуешь, а, папа? А как же любил я своих замечательных бабулю Лену и деду Володю. Смешно сейчас, а ведь именно так я и склонял эту пару слов: «Кого? Деду Володю». Смешно и трогательно.

Да уж... Подъехали к Техниону, а перед глазами Алексин. Но это же нормально, правда? Я прочитал твои «Записки», папа. И я опубликовал их на моем сайте, ты ведь хотел этого? Я знаю. А потом я прочитал их еще раз. И еще. И сейчас иногда заглядываю туда. Почему? А я только теперь начал понимать, кто ты, папа. Ну что поделаешь, так сложилось. Мне всё время было некогда, я был занят собой. Я вот сейчас оглядываюсь назад и пытаюсь понять, что я сделал не так в той жизни. И не нахожу ничего особенного. Так по мелочам. И даже это «занят собой» - это не эгоизм, по-моему. Это тот самый перфекционизм, отрывка его. Как ты думаешь, а, папа? Или... Улыбаешься. Ну да, тебе от меня досталось. Сейчас даже неловко вспоминать, как я требовал магнитофон! Ту самую убогую Весну-2 со стометровыми кассетами, которые заканчивались за четверть часа. Двести рублей! Я помню. Но мне хотелось, я закатил истерику, и уже на лестничной площадке второго этажа того самого 89-Г ты не дал мне уйти из дома... Пообещал. И купил. Ты свои обещания выполнял всегда. Ну да, ты и мама, конечно. Наверное пожертвовал чем-то необходимым. Сейчас я, пожалуй, другой. Совсем другой. Жизнь – очень хороший, абсолютный, воспитатель.

...Где мы? А вот тот перекресток, Цахаль-Хавацелет, Армия-Лилия. Мы как раз жили тогда на Хавацелет, все вместе. Было тесновато, и Ирина именно тогда начала нервничать. А ты с мамой жил в отдельной комнатке в этой трехкомнатной квартире. Хотя такие здесь считаются двухкомнатными: две спальни и салон. Ну да ладно. Ты помнишь, папа? Вот он этот дом. Третий этаж, по-моему. Здесь с этим напрягаться приходится. Первый этаж, ну если по-нашему, то это «земля». Второй – это первый. И так далее. Так же, как номер дома может быть присвоен подъезду, следующий – следующему подъезду. Сейчас это перестало нервировать, но какое-то неудобство осталось.

А перекресток... Мы с Ирой сидели вечером перед телевизором, вон они те окна, что-то смотрели в полутьме. Позвонили в дверь. Это была маленькая девочка, соседка. Она что-то взволнованно говорила на иврите, я не понимал тогда ни слова, а Ирина вдруг вскочила с места и помчалась вслед за девочкой. Успела сказать мне: «Там авария. Сказала, что они живы. Кажется». Я помчался вслед за

ней. Бежать-то – сотня метров. Там на газоне разделительной полосы прямо за зеброй, за пешеходным переходом лежали мои родные: мама и сын. А чуть дальше стояла легковая Мицубиси Лансер. Он их не пропустил. Борис был в сознании. На лбу была большая рана, из нее шла кровь. Нога, ножка, была неестественно вывернута в сторону. И он всё повторял: «Всё в порядке, всё в порядке...» А мама была совсем плохая. Никаких признаков жизни.

А, папа?! Я не помню уже, ты тоже был дома и прибежал туда вместе с нами? А? Не могу больше об этом, мой хороший. Всё перед глазами, как будто секунду назад. И так же больно. Это не заживает. Поселилось во мне. Прости, мой родной. Да, это тот самый перекресток. Ты потом носил сюда цветы и привязывал их к столбу. Вот к этому, он как раз на островке безопасности, в трех метрах от этого самого места. И фотографии есть: столб и цветы... Не покажу. Ладно, мой хороший. Не плачь, солдат. Я поплачу. Мне можно. Давай оставим здесь машину, вон место на стоянке, перейдем на ту сторону Цахал по этому самому переходу. Как ты? Пойдем? Пойдем. Возьми меня за руку, папа. Дай руку...

Вот небольшая детская площадка в углу между двумя улицами, ты ведь ходил сюда со своим тезкой Борисом, так? Я здесь тоже иногда с ним бывал, а потом уехал... А вон там, еще десяток ступеней вниз – здесь всё вверх-вниз, черт побери – компактное здание, блок: магазин, парикмахерская, какой-то клуб, мастерская... много всего. Магазин, кстати, русский. Ты здесь в основном всю провизию покупал, так ведь, папа? Как же звали того парня, который торговал здесь? Сергей... Алекс... Яша?... Нет, не помню. А ты? Тебе ведь приходилось с ним разговаривать, ты рассказывал. Только я не придавал тому значения: Ну говорит и говорит. Так ведь оно и бывает, ты спрашиваешь, он отвечает, предлагает, продает. О чем вы с ним разговаривали, папа? У тебя не очень много собеседников было в твоём хостеле – вон он в сотне метров, вперед и вверх от выхода из магазина. А сейчас магазин закрыт. Ладно, потом посмотрим, закрыт вообще или на перерыв. А вдруг тот самый парень там работает... Полтора десятка лет прошло. Может быть? Как ты думаешь, папа? Постарел наверное. Тогда ему было лет тридцать пять. Постарел. Полсотни – это постарел? Зависит от системы координат. Вот, может быть, я тебе показывал – написал я коротенькую оду своему учителю – могу же я в конце концов так своего научного руководителя назвать – к шестидесятилетию. Было там такое: «Тридцатилетнего мальчишка аксакалом признаёт...» Зависит... Еще немного прогуляемся? Не устал?

А вот этот замечательный сквер. Совсем рядом с твоим хостелем: спуститься, повернуть налево от входа, завернуть налево за угол, двадцать метров – и сквер. Почти парк. Он тоже немного на косогоре – здесь всё на косогоре, – но вполне пологом. Замечательная мощеная кирпичом дорожка. Ну не

кирпичом, а брусками кирпичного цвета. Симпатично, правда? Конечно же правда, ты так любил бывать здесь. Садился вон на той скамейке, в своем синем плаще, синем же берете, мягких дешевых черных кроссовках, брюках с пытающейся не исчезнуть окончательно стрелкой, ставил перед собой вот эту трость, пристраивал на нее руки, пристраивал поверх них подбородок и смотрел, смотрел туда... А вокруг высокие деревья и тень от них. Большая редкость.

Твой плащ... Синий реглан с погончиками. Помнишь, тогда купили такой тебе и мне. Моего давно уж нет, это ведь было лет, думаю, пятьдесят с гаком тому назад. Студентом я еще был, кажется, так? А ты его привез сюда. И беретик этот шерстяной синий. Старенькое всё совсем. Кроссовки эти черные ты здесь уже купил. Ну да, это помягче, чем всё, что ты носил прежде. Самые дешевые, шекелей сто пятьдесят, наверное. Прости, мой хороший. Надо было купить тебе что-то попримечательнее. Ты-то свои здешние копейки откладывал, откладывал... Внукам. Борису на учебу. Я всё передал, как ты наказал. Как у него с учебой, спрашиваешь?.. Сейчас молодежь как-то по-другому учится. Записался на один курс, на другой... Не знаю, как сейчас. Не делится.

А плащ твой... Сейчас бы я помчался купить тебе что-то получше. А тогда мне, честно, не приходило это в голову. Не потому что я черствый человек и неблагодарный сын, нет. Просто не включалась эта часть головы. Над всем висело ощущение случившейся катастрофы. Сейчас-то я смотрю на это с противоположной стороны. Я – это ты. И я понимаю, что мне ничего не нужно. Никаких обновок. Хотя могу себе позволить. Ни-че-го. Здесь другое: от сыновей я принял бы любой подарок. На коленях принял бы. И это продлило бы мне жизнь на год, на два... Продлило бы. Так хочется подарок от сыновей! Вот в этом я виноват перед тобой, мой родной. Не вернуть.

Да, сквер... Я заезжал сюда несколько раз. Садился вот на эту скамейку и смотрел туда... Как хорошо, что я могу поговорить с тобой, папа. Как хорошо. А вон там, взгляни, чуть правее и вниз, в двухстах метрах, школа. Там младший Борис начинал учиться. Ты ведь встречал его иногда из школы, а, папа? Я не мог, всё это время я был за границей, работал. По-моему я рассказывал, когда Борис начал учиться, а я вернулся домой на побывку, решил я зайти в школу. Ирина сказала, что надо бы, директор приглашал. Да я и сам подумал, что это обязательно надо сделать: должен же в глазах школы быть отец у их ученика. Ты знаешь, я думаю, это тогда я упустил все связи с моим сыном. Надо было бросить всё к чертовой матери и быть рядом. Даже мы, вполне взрослые люди, потерялись в этой мясорубке, в эмиграции. А каково было ему, маленькому, беззащитному, одинокому?!. Не вернуть.

Так вот, зашел я в школу, с трудом объяснил, что я хочу и кто я. Вышел директор. Странноватого по нашим понятиям вида: в тапках, джинсах, рубаше навыпуск, кипе и бороде. Яков: «БОрис хороший ученик. А ты знаешь, что он мне сказал недавно? «Я вас всех ненавижу», - вот что он сказал». «Ты, – это Яков мне, – опытный и грамотный человек. Поговори с сыном. Объясни ему, что это нехорошо».

Ты знаешь, папа, я с Борей, конечно, поговорил. Но понимаю сейчас и понимал тогда: это не то. Я привык разговаривать с детьми старшего возраста, со студентами. А ведь и старший мой, замечательный и вдумчивый Олег, рос без меня. А я без него, черт побери, папа! Почему так вышло?!. Прости, мой хороший. Вижу, что ты сейчас перекладываешь эту мою беду на себя. И вину за нее – тоже на себя. Как всегда. Прости меня, мой хороший. Да, я знаю, что ты давно простил. Сразу. Я не простил. Ладно. Хороший скверик, правда, папа?

А вон там, за тем самым зданием с магазином, парикмахерской и клубом, метров сто вперед-вниз, когда-то, тому уже лет десять, Борис снимал квартиру. Захотел жить от нас с матерью отдельно. Он же работал, мог себе позволить. Улица Офаким, что ли? Что за названия!.. Мы с Ириной иногда пробирались сюда по вечерам и смотрели, есть ли свет в его окне. Беспокоились. Не хотел он жить с нами в Кирьят Бялик, купили мы там квартиру в ипотеку, не хотел общаться совсем. Как и теперь. Дом этот по-дурацки расположен: со стороны входа всё как обычно. Хотя чуть-чуть на склоне. Ну, мы об этом уже говорили, здесь всё такое. А с противоположной стороны, где те самые окна, по косоугру шоссе проходит на уровне второго-третьего этажа. Вплотную к дому. И между стеной дома и этим косоугром метра три всего. Да хоть пять... И кустарником заросло. А всё, что здесь растёт, колючее. И что живет тоже...

Где это, Кирьят Бялик? Кирьят Бялик – это пригород, город-спутник, что ли, Хайфы. К северу. Я же рассказывал, да, папа? И что квартиру купили рассказывал. Или нет? Рассказывал. Поехали покажу. Только вот по пути заскочим... Это здесь, рядом. Дерех-а-Технион, Технионовская улица, если по-нашему. Знакомый адрес? Нет? Это здесь же, в Нешере. В верхнем Нешере. ...Я вот об этом. Дом. Халупа. Ужас, да? Тошно смотреть. Даже бараки, в которых мы жили, когда я был совсем ребенком, а я их помню прекрасно, даже они, по-моему, не шли ни в какое сравнение с этим ужасом. Как и всё это вокруг. Ну да, кощунство. Но не проходит. Пошло оно всё!.. Халупа. А ведь это та самая квартира, прости, господи, куда вы приехали в девяносто четвертом. Я сейчас задним числом понимаю, что вы почувствовали, когда зашли сюда. Это после вашей маленькой, но достаточно цивилизованной однокомнатной квартиры в новом доме в Тастаке. А? Там я ночевал иногда на раскладушке, поставленной по диагонали вполне просторной кухни. Помнишь, папа? Ваш непутевый вполне

взрослый сын, доцент – не хрюк собачий, с мальчуковыми повадками и пагубными пристрастиями. Прости меня, черт побери!! Мне некуда было идти. Откуда-то выгнали, откуда-то сам ушел. И снова я знаю, ты простил. Сразу. И мама простила. Плакала, да? А ты знаешь, я ни разу не видел, как мама плачет. Было? Я не видел. Ну значит был рядом с ней мужчина. Это я наконец понял. Толку-то... Я вижу ваши лица, когда вы, предельно усталые после долгого перелета и долгих до этого мытарств по разным инстанциям... Усталые, но счастливые, что видите своего сына, своего внука, что всё наконец позади... И даже эта халупа казалась вам пристанищем. Это я так видел. Это так, папа? Я вот сейчас, спустя три десятка лет, думаю, будь я на вашем месте, увидь я такое... Нервы сейчас ни к черту совсем, сердце иногда дает о себе знать... Н-да. У меня есть ваши с мамой фотографии, я сделал их сразу, как вы вошли. Покажу дома. Поехали. Сюда заскочили на минуту, просто чтобы была точка отсчета, а то я очень уж бессистемно всё это с тобой обсуждаю. Поехали? Поехали.

...Устал, мой хороший? Быстро доедем. Это недалеко. Отсюда с горки даже видно, где мой дом. Вон там, если посмотреть отсюда поверх этих градирен – это нефтеперегонный завод, ты помнишь? Так вот, если посмотреть отсюда поверх градирен, то там, чуть дальше, несколько городков, Крайот, так их здесь зовут. Города-спутники Хайфы. Вон, видишь, центральная улица? Пожалуй, шоссе. Это четверка, здесь все дороги пронумерованы. Хотя я так и не знаю ни одного номера кроме четверки – вот эта – и шестерки – это платная скоростная дорога север-юг. Параллельная четверке. А больше ничего, что я могу поделаться? Сослался бы на возраст, но и тридцать лет назад не мог запомнить ни номера дорог, тогда это было не актуально – был безлошадным, ни названия улиц. Не знаю и сейчас. Кроме улицы, на которой расположен мой дом, разумеется. Почему-то совсем не оседают в памяти ни Бенгурионы, ни Йерушалми, ни Пинхасы. Не моё. И ты знаешь, папа, в Алма-Ате, она теперь Алматы называется, почти все улицы переименовали, так я теперь и старые названия забыл, и новые не могу запомнить. Доцент тупой, ну, как у Карцева и Ильченко? И зовут его Аvas. Актуализировалось.

Да, так вот, четверка, четвертое шоссе. Мы с тобой сейчас смотрим на север из верхнего Нешера, с нашей горки. Вон там слева три городка один за другим: Кирьят Хаим, Кирьят Моцкин и Кирьят Ям. Кирья – это то самое – город, городок, поселение, город-спутник, что-то такое. Ям – море. Моцкин – еврейский российский политический деятель позапрошлого – уже позапрошлого, а, папа! – века. Ну да ладно. А мой городок – он здесь, справа от четверки. Вон там, за градирями. Но, слава богу, довольно далеко от них. Не ощущается. Это Кирьят Бялик. Бялик – он поэт. Так мне подходит. Умиротворяет. Хотя был у Олега в гостях, лет шесть уже назад, проезжали мы с ним на машине село или городок в

Подмосковье, Кощейково. Кощейково! Такое родное! Специальное место, загончик, садок для некрупных Кощеев. Как бы я там жил, а!.. Ну, поехали? Движение наверняка оживленное, но здесь всегда так. А бывает и ступор. Сейчас минут за двадцать доедем.

Квартиру, это куда мы едем сейчас, Ирина нашла. Как-то ей это удается. Помнишь, та четырехкомнатная квартира вот здесь на углу, прямо рядом с этим сквером и твоим хостелем. Тоже она нашла. Ты прости меня, папа. Не ужились вы тогда с Ириной. Я как-то даже и не придал значения, а ты тихо собрался и ушел. Как ты нашел тогда эту бесконечно жалкую квартиру рядом со школой Бориса, я и не знаю совсем. Снял. Я не могу это даже вспоминать, мой хороший. Это не то чтобы непростительно - так слишком просто, это позорно. Как говорит один мой друг: уёжище. Моральное уёжище. Ладно, папа. Я так виноват перед тобой по жизни, что кайся - не кайся... Давно живу с этой виной. Тебя это уже никак не касается – изменить-то ничего нельзя. А во мне эта вина заострилась и окаменела – это теперь и есть я. И слова о прощении, которые я произношу в своих молитвах – а я стал молиться иногда, только обращаюсь я не к богу, а к тебе... В общем, та молитва – она констатация: я – это ты. Непонятно? Вряд ли. Со стороны, может, непонятно, а мы-то с тобой знаем.

Хорошо, что потом мы пробили тебе этот хостель, правда? Помнишь, мы собрались тогда уезжать, вернуться домой, в Алма-Ату? Господи! Какой сумбур! Я даже уехал. С Борькой! Он же крохотный совсем был. Ирина осталась здесь, в тылу, ты остался... Только вот подробности у меня совсем вылетели из головы. Такие повороты! Как кувалдой!.. Сейчас бы не вернулся. Как вспомню все мытарства, что свалились на меня, когда в девяносто девятом всё-таки рванул я домой на заработки... Десять с лишним лет вычеркнул из жизни. Стёр... Нет, не вернулся бы. Нельзя возвращаться!..

Как ты? Нормально? Приедем, я чай организую. Или кофе? У меня замечательная кофейная машина есть, Де Лонги. Борис как-то нам с Ириной подарил. На новый год, по-моему. Старенькая уже. Глючит. Да и капсул к ней уже нет в продаже. Других – море. А этих нет. Судьба моя... Когда выезжаю со двора ранним утром, то обязательно две-три машины наперерез по дороге прошмыгнут. Ни одной до того - рано еще, ни одной в течение следующих получаса. Именно сейчас. ...Капсула? Это упакованная одноразовая доза кофе для заварки. Нет, конечно у меня есть немного. Берегу. Сын так мало чего мне подарил... Берегу. ...Вкусно ли? Торт мамин был вкусный. А потом... Жиры, белки углеводы. ...Что такое глючит?.. Э-э... Помнишь, когда у нашего Темпа-3 пропадало вдруг изображение, нужно было тихонько стукнуть кулаком внизу справа? Ну вот.

Поехали. А как поедем? Можно по Дерех-А-Технион спуститься по серпантину: мимо нашего первого дома здесь, того самого, убогого, потом мимо Борькиной школы, потом сразу налево-назад-вниз мимо матнаса... Матнас? Ты забыл, папа? Это здание клуба. Там библиотека, что-то еще. Ты же ходил сюда, по-моему? Ну ладно. Может, и ошибаюсь. Хотя точно слышал от тебя: матнас, матнас... А я здесь когда-то с моим другом Юрой начинал его ювелирный бизнес. Там внизу в цоколе есть совсем заброшенная и заваленная мусором кладовка, Юра снял ее за какую-то мелочь, а я пытался там электронный блок построить для его гальваники: плюс-минус, плюс-минус... Да ладно. Я потом бросил, а он продолжил. Вполне продвинулся. Бизнес свой. Ты помнишь Юру Алейникова? По Алма-Ате еще. Свидетелем был на моей свадьбе с Татьяной, мамой Олега. Да-да, прости. Это я уже в свои воспоминания ударился.

...Ну вот. А дальше вниз по склону горы, мимо свинюшки – так ты этот некошерный магазин братьев Марсель называл, потом налево по шоссе, мимо торговой площадки Гринберг – теперь она как-то иначе называется, потом на Чек-пост и направо на четверку. А можно сразу влево и по склону горы, под оградой Техниона... Справа здесь глубокий-глубокий обрыв вдоль всей дороги. Раньше там какая-то свалка была, огромная. Туда ещё однажды женщина-водитель сорвалась на машине? Не выжила. Естественно, метров тридцать обрыв. Смотреть-то страшно. А уж лететь в машине... Так вот, потом свернуть направо и тоже по склону горы – там наверху Хайфский жилой район... Забыл, как его зовут, черт побери. Впрочем, думаю, что и не знал. Хотя, вроде, слышал. Ну вот, вокруг этой горы, вниз, вниз, вниз. Потом на то же шоссе, Бар Егуда, по-моему, а с него на четверку, только теперь налево... Хотя пока я варианты тебе рассказывал, мой хороший, мы уже мимо Гринберга проезжаем, видишь? Попетляли немного по серпантину, ну и ладно, я же не тороплюсь. Дух не захватило, а? Смешно. На такой-то скорости. Не уснуть бы.

Сейчас быстро доберемся. Машин немного. Семьдесят разрешено, семьдесят и едем. А бывает, что не едешь вовсе, стоишь в пробке, особенно если мелкая авария. Две полосы всего. Это тебе не Америка. И не Москва. Был лет шесть назад у Олега в гостях. Ехали по какому-то проспекту, ух! Восемь рядов в одну сторону, восемь навстречу. И скорость за сто. А мы сейчас семьдесят. Обгоняют – что поделаешь, темперамент. И еврейская кровь: если нельзя, но очень хочется, то немножечко можно. В смысле – ему лично и прямо сейчас немножечко можно. Ты вот переживал в своих воспоминаниях: за что не любят евреев?..

Ладно. Вот слева, это ты знаешь, правда?.. Торговый центр Лев-а-мифрац. Сердце залива. Какого залива? Да Хайфского же. Чай море Средиземное. А ты здесь бывал, папа? Я о торговом центре? Нет? Ты знаешь, я тоже почти не бывал.

Последнее время захожу периодически, здесь на третьем этаже принимает мой врач, уролог. Тот самый, который когда-то лечил и тебя. Доктор Беньямин, помнишь? Он и маленьким Борисом занимался когда-то. Теперь уже не маленький вовсе. Эх, Борька, Борька... Опять.

...Так не бывал? Наверное мы могли бы когда-то и вместе сюда сходить. Здесь можно было в кафе посидеть. Можно и в кино сходить. Когда я последний раз в кино ходил? «Романс о влюбленных»... «Мертвый сезон»... А ты? «Карнавальная ночь» в солдатском клубе в Шонгуйе? Мы туда все вместе ходили, помнишь? Как же было здорово! Шли обратно, там с одной стороны насыпь железнодорожная, за ней Кола – это справа, если идти из клуба в наш городок, а слева вплотную к дороге спускается склон горы, хотя какая это гора? Так, холм, отрог холма, что ли. Так говорят? Вот ведь черт, стали выпадать русские слова. Ну да, была бы гора, был бы это отрог горы. Там на той горе есть плато, как будто срезана верхняя часть. На нем заброшенный аэродром, так? Ил-двадцать восьмые там порезанные стояли. То, что от них осталось. Так нам, пацанам, было классно там! Кабина стрелка-радиста. Без остекления, конечно. Турель... А у меня был кусок алюминиевой обшивки от фюзеляжа. Выпуклый. Так здорово было на нем с горы спускаться! По снегу, понятно. По траве не пробовал. А помнишь, мы с ребятами снаряды от пушки нашли и в костре их пытались подорвать. Не вышло. Ах я не рассказывал? Ну да, с чего бы? Мне тогда лет одиннадцать было. Такие вот детские забавы. Заполярье, гарнизон, снег, заброшенный аэродром, мелкашка, песец...

Да, «Карнавальная ночь»... Шли мы все вместе. Вечер, морозец, снег скрипит под ногами. А я прислушивался к тому, как вы обсуждали фильм. Когда же это было? Фильм вышел в канун нового года. Пятьдесят седьмого. Нет, смотрели мы его наверняка позже, наверное в следующем году. Далековато мы были от центра, так что наверняка не премьера. И слов-то таких тогда не было. А раз Шонгуй, то это, скорее всего, пятьдесят восьмой. Да бог с ним, с годом. Я помню, какой счастливый голос был у мамы. А ты заинтересованно и с любовью, как я сейчас понимаю, поддерживал этот разговор. И я радовался вместе с вами. Сколько вам тогда было? Тридцать пять... Было ли мне когда-то тридцать пять? Не уверен. Нет. Сразу семьдесят с гаком. Ты хочешь спросить, откуда я знаю, что я радовался? Всё просто: не был бы я счастлив в тот морозный зимний вечер, не запомнил бы я его так ярко. Как будто минуту назад. Так ведь, папа? А еще вы с мамой рассказывали мне, как брали меня с собой в кино, когда я был совсем маленьким. В клуб, конечно. Не было там ни кинотеатров, ни домов офицеров. И как я минут через десять-пятнадцать после начала сеанса начинал на весь зал требовать: Гуляк! Компот!.. Почему-то сейчас ожили в памяти эти картинки. С ваших слов. И никаких сомнений, что так оно и было. Я знаю вас, я знаю себя.

...Да, так я говорю, могли бы мы сходить сюда, а? Мы ведь с тобой так никуда и не ходили вместе с тех пор, как я вырос. А почему? Страшно подумать, что когда-нибудь это вопрос может задать себе мой младший сын. Страшно за него: это нестерпимо больно. У старшего, слава богу, всё в порядке... Ладно, что об этом задумываться... Не вернуть. Едем дальше.

Этот заводиче справа – Батей Зикук – нефтепереработка. Его из Нешера, да хоть из любимого твоего сквера, хорошо видно. Даже по вечерам, тогда на вестовых трубах горят газовые факелы. Хотя теперь уже, вроде, не горят. Надо как-то взглянуть вечером откуда-то сверху, с крыши дома, что ли. Лет пятнадцать уже не обращал внимания. А завод мы с тобой четверть часа назад видели сверху. Он самый. Завод... Так себе местечко. Если Иран ударит, а он ударит: очень уж привлекательно. И бежать некуда. Здесь когда-то давно мой товарищ Толя Вишневецкий работал. Мы с ним в одном проекте работали, помнишь? Мама тогда в больнице уже была. А потом я тот проект оставил и в Алма-Ату улетел. В девяносто девятом? Ну да.

А слева сейчас тот самый Кирьят Хаим. Это не самостоятельный город, а район Хайфы. Так, за компанию городом назвали. Прямо за ним вот здесь начинается Кирьят Моцкин. Нет, моря отсюда не видно, далековато, километра три, пожалуй. Пять лет назад, когда ко мне Олег со всем семейством приезжал на мое семидесятилетие – семидесятилетие, папа! – было километра два. Теперь три. Отодвигается, что ли? Надо ногами сходить. Может быть, уже и четыре. Чудеса... Не чудесные какие-то чудеса.

А справа уже Кирьят Бялик. Мой городок. Мне нравится, я говорил. А вот Борис, когда еще со мной чуть-чуть разговаривал, назвал его дырой. Не жил он в Зашейке. Или Титане. Хотя, ты знаешь, не были они дырой, нет. Это был мой мир и был он полон чудесных чудес и радости. Детство, где ты? Счастье – это детство. Я слышал, что не для всех. Но каждый, с кем я общался в жизни, каждый уверен, что, как говорят, теперича не то, что давеча. Это как раз об этом: детство – это счастье. А потом детство уходит. И счастье уходит. Безвозвратно. И кто бы что ни говорил... Ну да ладно, каждый по-своему это видит. Я – так. Или я не прав, папа? Конечно, тяжело признаться, что большая часть твоей жизни – она без счастья. Черт, опять куда-то занесло. Прости, мой родной. Рассуждай – не рассуждай... О, навеяло: был я в Алма-Ате, это уже во время моей работы там отсюда, из Израиля, на футбольном матче женских команд Казахстана и Израиля. Посол звал к себе в ложу, а я пошел на противоположную сторону, интересно было послушать зрителей. Особого антисемитизма не было, так, обычное: «Да все эти жидовки там – они из Союза, по-русски говорят». В команде, кстати, таких не было вовсе. А навеяло одну замечательную кричалку: «Атакуй – не атакуй, всё

равно получишь...». Замыкающее слово весь сектор с воодушевлением подхватывал. О чем это я? Ах, да, рассуждай - не рассуждай...

А слева – это всё ещё Кирьят Моцкин, вон там живет Юра со своей Людмилой. Помнишь его? Ну да, спрашивал уже... С Алма-Аты дружим. И почти не видимся. Состарились. Он купил хорошую квартиру. Хорошо поднялся на ювелирке. Вот ведь человек! Доцент. Проректор. Сын известного силовика... Говорит, надоело. Всю жизнь мечтал о «свечном заводике». И ведь освоил. Продавал свои крестики и ладанки по всему Израилю, от Иерусалима, до той самой замечательной церкви Двенадцати Апостолов в Капернауме, где Иисус озвучил свою Нагорную проповедь. Я туда иногда езжу. Как-то даже свечи поставил за всех моих родных. За здоровье, разумеется. Хотя про себя я попросил: «Чтобы ничего дурного не случилось». Очень уж много всего плохого вокруг происходит, чтоб ему пусто!.. Я у женщины, которая свечками торгует, спросил, нельзя ли на смерть лютую свечку поставить. Она на меня руками замахала, мол это не в божием доме, а наоборот. Туда не пошел.

Да, так Юра вполне приподнялся. Дочки у него замечательные, Оля и Юля, близняшки. Вспомнил, как Юра ошарашенный зашел к нам в пятьдесят седьмую – это лаборатория наша в институте, она чуть на отшибе была, отдельное здание, сами когда-то построили. Зашел и сообщил: «Дочки... Близняшки». Я ему: «Ну так... Бухнём!». А следом за ним Петр Михайлович, отец, тот самый полковник-силовик: «Я вам бухну!» Знал он нашу общую с Юрой слабость. Или силу? Выжили ведь, а?.. Да, близняшки. Они здесь теперь. Юля остепенилась, в медицину пошла. Заведует лабораторией в Рамбаме.

...Рамбам?.. После той страшной аварии здесь мама и Боря лежали? А мы ночевали и дневали. Впервые, пожалуй, почувствовал я тогда... Да ладно. Больно. Не проходит... Фото есть: Борис в больничной койке, бледный, голова перебинтована. А в руке на шнурочке накачанный гелием воздушный шар с лицом льва. Это я ему принес, купил у входа. Сказал тогда: «Это Лёва. Он твой друг». Борис подержал-подержал шнурочек да и отпустил. И поднялся Лёва под потолок, и начал там потихоньку перемещаться по всей палате – вентиляция-то работает. Борька за ним с интересом наблюдал и улыбался. Улыбался! По-моему, тогда он пошел на поправку. Я не плачу, не плачу...

А Оля колледж закончила, что-то по электронной части, по-моему. Я же их раза два видел всего. Взрослые уже обе. Порядком за сорок. Юра мне недавно фото Оли прислал. Красивая молодая женщина. Внучки Юрины уже в армии отслужили. Быстро жизнь идет, а?.. Вот, а теперь свернем направо, внутрь Кирьят Бялика. Вот улица Дафна. Лавровая, значит, улица. А вот и мой дом. Вон, чуть в глубине. Длинный, старый. Сейчас вписан в программу реновации – пинуй-бинуй

называется по-здешнему. Если бы не война, может, что-то двигалось бы. Но война... ты же в курсе?..

Ну всё, доехали. И место есть на стоянке, это хорошо. Не всегда бывает. Я из-за этого и не езжу никуда. Хотя не только из-за этого. Съездил как-то раз в Иерусалим. Это лет восемь назад, пожалуй. Только развелись с Ириной. Да, развелись... Ты ведь предполагал, что это произойдет, а, папа? Нет? Почему-то мне так кажется. Что-то такое читал я в твоих глазах тогда, в девяносто первом... Да и мама... Ты знаешь, я думал об этом. Тогда думал. Но решил: вытяну. Был здоров, силен. Хотя предыдущий опыт заставлял задуматься. Не вытянул. Надо было ломать всё к чертовой матери, идти в разнорабочие. А дальше – вперед и вверх. А не в интеллигенты, откуда никакого «вверх» быть не может. Задним умом.

...Да, так в Иерусалим. Пригласил Бориса прокатиться по местам его детства, съездили вместе. Гостиницу нашу нашли. «Президент» - гордое имя. То ли снесли её, то ли под снос готовят – я из-за забора так и не понял. Там как-то всё изменилось, или в памяти как-то иначе отложилось, а?.. В общем, прокатились. Это раз. Что еще? Пару раз на Кинерет съезил. Вдоль берега прокатился. Это два. Несколько раз в той самой церкви, ну, я о Двенадцати Апостолах рассказывал, там побывал. Умиротворяет. Это три. Борис одно время в Рамат-Ган на жительство перебрался, не помню уже в связи с чем, к нему дважды ездил. Это четыре. Всё. Некуда ездить. Страна – она размером с последнюю страницу записной книжки. Почему последнюю? Как-то с языка слетело. Наверное потому что вот он конец, виден. Хочешь что-то записать – втисни. Не втиснешь – всё, конец.

...Ну и как сказал, стоянка. Проблема. Нашел – счастье. У меня в окне камера видеонаблюдения установлена – мало ли что. Хорошо, если машина в поле ее зрения. Хотя что там смотреть? Ей, машине, цена по нынешнему ценнику хорошо если двадцать тысяч. Это к тому, что случись что, по страховке столько выплатят. Хотя купить такую за двадцать вряд ли можно, очень ухоженная, ты меня знаешь. И обходится она мне тысяч в десять-одиннадцать в год – я учет расходам веду. В общем, машина, если на ней не ездить, вещь очень дорогая. Неоправданно дорогая. Если ездить, тоже дорогая. Но там хотя бы ездись. Куда, зачем?.. Видел здесь забавную картинку: к Лендкрузеру! прицепили тележку, а там смолокурня: печка на дровах, бочка, битум – крыши горячим битумом заливают, вполне распространенный бизнес. Лендкрузер, папа!..

Ладно, пап, пошли. Как тебе дом? Страшноват? Страшноват. Четыре этажа, четыре подъезда. Ты насчитал пять этажей? Ты просто забыл, как это здесь считается. Несоветский прибабах: первый этаж нулевой, это кАрка-земля. Второй

этаж, это если ногами мерять, он первый. И так далее. Я сам, когда спрашивают, на каком этаже живу, отвечаю, что не знаю. По номеру квартиры, мол, ищите. Или я из окна – а окно во всю стену открывается – помашу. И машу. Особенно когда техники по кабельному телевидению и интернету приезжают. Это случается. Видишь, вон на стене пучок неряшливых проводов висит, лохмотья во все стороны торчат – это как раз разветвитель этих самых кабелей. Всё открыто, всё под солнцем и дождем. Техники здешние говорят: А-коль беседер. Всё, мол, в порядке. Чисто израильский пофигизм. Работает, между тем, не очень надежно. ...Интернет?.. Система беспорядочных контактов. Нет-нет, информационных. Ищешь – находишь. Правильность найденного проверить нельзя. Только статистически. Или верить. Почти как религия. Только без атрибутики. Так понятно? Нет? Мне тоже. Но затягивает. Как религия. Хоть и без атрибутики.

А над входом в подъезд, видишь, табличка с номером: сорок восемь алеф, сорок восемь А, по нашему. Тоже головная боль. Не практикуют в Израиле номера домов с буквенными индексами. А, бэ, вэ – здесь это скорее номер подъезда, если, как я говорил, подъезд не пронумерован сам по себе как самостоятельный дом. В муниципалитете, например, когда я там что-то коммунальное на себя переоформлял после развода, такой графы – под буквенный индекс – не было у них в компьютере. А по соседству, между прочим, вот он, есть дом с номером сорок восемь. Иногда нахожу под нашими почтовыми ящиками какую-то корреспонденцию, адресованную им, соседям. Такой бардак. Бардак – это такое израильское слово. В иврите нынче много таких слов: бардак, калашников, кибенимат, бабУшка (это наша матрешка)...

Ирина действительно молодец. Как-то она нашла эту квартиру. Сто десять тысяч долларов двенадцать с половиной лет назад. Уже тогда это было относительно дешево. Сейчас она четверть миллиона стоит. А то и дороже. Последний этаж, правда. Это снижает цену. Как и первый. А для меня это было благо: по голове никто не ходит. Нервы не просто ни к черту, нервы... Всё даю себе слово держать себя в руках. Держу. Да ладно. Ты ведь такой же, а, папа? Я-то знаю. Или чувствую тебя уже совсем хорошо. Или просто примеряю сейчас на себя то, как ты реагировал на разное: то смущенная улыбка и стиснутые зубы, то просто стиснутые зубы, то – это уже после мамы – слеза... А скажи, папа, это ведь пройдет? Пройдет. Я тоже так думаю. Другого-то не дано.

Дом старенький, лет за шестьдесят уже. Вот, видишь, тут труба подтекает, тут обрывки всякие висят. А на крыше!.. Ладно, не буду о страшном. Но зато посмотри с той стороны: забор металлический – вон дыра, если надо, а за ним эвкалиптовая роща. Рощица. Здесь по праздникам эти чуда местные собираются и мясо жарят. А в ночь огнепоклонников – Лаг-ба-Омер – тут огромные костры жгли. Я уж с той стороны – видишь, там терренкур вдоль дома – таблички прибил:

костер-расстрел... Сейчас, правда, муниципалитет к этому подключился: насчет огнепоклонников – шабаши только в особо отведенных местах. Лет пять назад детишки чуть не сожгли всю рощу. Была бы у меня берданка, как у Щукаря... Или не было у него берданки? В общем, нервы. ...За тем терренкуром – он почти пятикилометровый, и есть там велодорожка, я по ней езжу всё ещё - за терренкуром поле. То есть дом одним боком выходит на природу. Это редкость. Разве что в киббуцах и поселениях. А там, бывает, стреляют. В обоих направлениях. На поражение.

Ты знаешь, как здесь в Израиле появились эвкалипты? Нет?.. Эвкалипты – они не здешние. По-моему, из Австралии. Первые здешние поселенцы слышали, им старцы, видимо, сказывали, что эвкалипты способны осушать почву. Ну и завезли. Дело в том, что пуп мира, Тель Авив, построен на болотах. Там этим поселенцам достались места для проживания. Хорошие места, понятно, не продавались. Засадили эвкалиптами. Всё так и есть: эвкалипты корнями ищут воду. Но дело в том, что корни у них очень мощные и разветвленные, уходят глубоко, там они и ищут воду. А в Израиле вода, которая мешает жить, находится у поверхности. Так что здесь эвкалипты оказались так себе помощниками. Но зато те их корни, которые ближе к поверхности, разрушают всё: тротуары, стены, канализацию... Вот видишь, здесь канализационный канал, а вот здесь мы вырубил корень. Метров десять до того дерева. Так что и на старуху бывает проруха – это к вопросу о гениальности. Чьей? Нет, я не об эвкалиптах. Ты никогда так не считал? Отучили? Да, пожалуй, так и спокойнее, а, папа? Но мы-то знаем, хе-хе. Подумешь, эвкалипты. За сорок лет, что кругами ходили пока сюда добрались, всё обдумали... Неважно, говоришь, обдумали? Главное виду не подавать.

Так, нам четыре, нет, пять этажей наверх топать. Передохнем сначала чуть-чуть. Ты как? Я тоже в порядке, но передохнем. А вот, видишь, массивная дверь? С Микки-маусом. Это бомбоубежище. Сейчас очень актуально. Я покажу. Обычно закрыто на замок, но уже год только на задвижку. В любой момент может понадобиться. Аккуратнее, дай руку. Здесь две ступеньки вниз, тамбур. Скорее, прихожая. Вот умывальник и пара велосипедов. У кого-то своей кладовки нет. Ладно, не мешают, хотя и не положено. А направо вход в большой зал. Наташили сюда мебели. В целом, как видишь, вполне прилично. Свет есть. Кошек я отсюда гоняю, да и на улице им пока комфортнее. Зимой хуже. По-хорошему здесь должна быть полная герметизация и вытяжная – или приточно-вытяжная – принудительная вентиляция. Полсотни человек разной степени свежести – это серьезно. Там вдали, думаю, туалеты. Вряд ли функционируют. Но видишь, сравнительно чисто, сухо. В общем, спастись можно. Если успеешь добежать. Здесь дается примерно минута. Это если из Ливана. Если из Ирана, есть минут

десять. Опять же если оповестят. Сирена с улицы, телефон верещит. Почти всегда.

Понравилось? А я живу, как в сказке. Что-то из Эдгара По. Про маятник. Только проснуться никак не могу. Ладно, пошли. Да, вот еще дверь. Это моя кладовка. Не у всех такая. Видишь, как я на тебя похож, папа. Видишь эти полки? Когда мы только приобрели эту квартиру, подремонтировали и въехали, первое, что я сделал, это купил кое-какие уголки, гвозди, болты и собрал систему полок. Вся кладовка-то два на полтора метра. Дома мы бы здесь пару лопат пристроили да рухлядь ненужную. Здесь в общем-то то же самое, только спрессовано до предела. А что за крюк в потолке? Декоративный. Но в случае чего вполне надежный. Сам всверливал и вкручивал. Греет душу: чуть что... И три велосипеда, видишь? Вот этот синий, ухоженный, это мой. А два красных – это Бориса. Он ими не пользуется, сначала мотоцикл купил, Кавасаки, потом машину, Хонду. А велосипеды вполне себе ничего. Мерида – фирма обстоятельная. Если б ты только знал, как я его, вот этот синий, ненавижу! За что? А за что каторжанину каторгу любить?! Но каждые пятницу и субботу в шесть утра беру это чудо, вскарабкиваюсь в седло – и вперед. На тот самый терренкур. Лет семь назад ездил по четверке до упора на север, к Ливанской границе. Там деревня Рош-Никра. Где-то даже фото есть примечательное: я на фоне стены у этой границы, а на стене за мной надписи: влево – «до Иерусалима 205 км», вправо – «до Бейрута 120 км». Да уж. Туда-обратно чуть больше шестидесяти километров. Это когда я еще, скажем, по юнцам выступал. В смысле, до семидесяти лет. Потом переключился на другое шоссе, в сторону Назарета. Не доезжая много, конечно. Туда, в сторону. Просто это поближе к дому, случись что... Но тут Шфарам, это арабская деревня. Деревня эта побольше моего Кирьят Бялика будет. Ну а арабская... По нынешним временам, сам понимаешь. Короче говоря, последние годы я наматываю круги вот по этому самому терренкуру: один оборот – примерно десять километров. Один день двадцать, другой двадцать пять. Ты знаешь, папа, стал уставать. Как-то в это не верилось раньше: три десятка километров! Да в разминку больше выходило. Съел чего-то, наверное.

Прибраться бы не мешало? Это да. Но уж кто-кто, а ты-то знаешь, что такое благие намерения. Особенно по уборке подсобки. Хочешь помочь? Шучу. Я всё сделаю. Ладно, пошли вверх. Трость не забыл? Мы потихоньку. Я помогу. Лестница. Меня время от времени спрашивают знакомые, сослуживцы: Лифт есть? Я отвечаю, зачем лифт, если всего-то четыре этажа. Так здоровее, а? Ты устал? Еще немного, давай я помогу, обопрись. А вот в прошлом году обратил внимание, что Ирина с трудом поднимается. Да, она заходила. Здесь собрание было в соседнем матнасе, клубе – вон за забором – по поводу той самой реновации, я говорил. Или это в позапрошлом было? В позапрошлом. В прошлом

уже война была. И эта реновация замерла. Ну да, так Ирина погрузнела. Наверное поэтому было тяжело. Я здесь зимой, когда на велосипеде не выедешь, холодно, в пятницу и субботу взамен бегаю вверх-вниз. Шестнадцать раз, по-моему, последнее достижение. Халтурить стал. Начинал бодрее. Сейчас тоже одышка появилась. Или не одышка?..

О! вспомнил: в семьдесят пятом, когда мы с Татьяной поженились, перебрался я к тестю и свекрови. У них попросторнее было, три комнаты на десятом этаже в Трех богатырях – шикарное место, правда? Перетаскивал туда кое-какой свой скарб. Была у меня гиря двадцатикилограммовая. Твое наследство. Это не гиря для бодибилдеров, а такой кирпич с ручкой вовнутрь. Думаю, от больших транспортных весов. Для упражнений очень неудобная, но другой не было. Так вот, довез я ее на машине к Богатырям, понес к лифту. А был час ночи. И оказалось, что лифт по ночам не работает, я-то этого не знал. И тащил я ее, гирю, десять этажей по лестнице. Это я об одышке.

Видишь, на лестнице по стенам картины развешаны. Это я по мусоркам насобирал. По-моему ничего. Лучше, чем голые стены. Сначала были вообще замечательные картины, одна серия, что-то из китайской или японской жизни. Соседка напротив, когда квартиру продала, отдала мне комплект. Они у нее в квартире висели. На шелке, очень приличные. Так вот, их украли. Здесь это бывает. Место, сам видишь, на отшибе. Говорят, наркоманы. Верю. У ее мужика, кстати... Чьего мужика? Той самой соседки, Малка, дай бог памяти. Малка – это королева, если по-простому, с иврита. Так вот, у ее мужика из квартиры инструмент приличный украли. Тащат потом на блошинный рынок – барахолку – и продают за гроши, суки. Как украли? Ты знаешь, вполне по-деловому. Забрались на крышу, оттуда в окно, они здесь не очень-то закрываются, потом обратно - и всё. Крыша здесь – это тот же потолок, если живешь на последнем этаже. То есть потолок снаружи. Сантиметров пятнадцать плоского бетона. Хорошо, если с гидроизоляцией – это больное место. Но это отдельный вопрос, чтоб его!..

Ты, кстати, видел, что у меня на окнах решетки? Не обратил внимания? Сейчас зайдём, изнутри увидишь. Я думаю, те самые наркоманы как раз обращают внимание, глаз-то наметанный. Но, надеюсь, им лишние технические проблемы ни к чему. А и залезут – нет там ни черта. Шаром покати. Хотя неприятно. До ноября прошлого года я еще сетку пластмассовую приделывал. Это уже для Васи. Глупо, конечно. Кот же. Но от кого-то Ирина услышала, что вороны котов сбрасывают. Котят, наверное. В общем, так и прижились эти сетки. Со стороны забавно выглядело. Теперь не актуально. Снял. Просторнее стало. Но лучше бы пусть забавно...

Последний пролет остался. Тихо. Никого. Из квартирладельцев в подъезде я один. Остальные квартиры все в аренде. А некоторые из страны уехали. До конца войны. Навсегда, что ли? Видишь, вон наверху в углу камера видеонаблюдения. Мигает. Это я установил. С полгода назад. Береженого бог бережет. По секрету скажу: обманка. Только никому...

Дошли. Заходи, папа. Здесь я живу. Салон с кухней, две спальни, туалет, душ. У большинства ванна, а мы так купили, так оно и осталось. Да и вряд ли здесь кто-то ванной пользуется. Накладно. И честно говоря, ни разу не слышал, чтобы по канализационному стояку много воды сливалось. Думаю, и канализационная система не выдержит. Всё время что-то здесь затапливает. Еще вон лоджия, балкончик малюсенький. Там стиральная и сушильная машины. Что-то около шестидесяти квадратных метров жилой площади. По документам – а это то, за что я плачу - восемьдесят. Часть лестничной площадки сюда входит, часть территории. Не вникал. Как все. От меня не зависит. Ну вот. Это называется салон. Налево кухня. Чем разделены? Ничем не разделены.

Тапочки? Конечно. Хотя... у тебя обувь мягкая, я знаю. Так удобнее. Здесь все так ходят. Но как хочешь. Садись вот здесь, на диван. Узнаешь этот диван? Тяжеленный, раздвижной, с угловым отсеком. Тогда купили его вместе с креслом. Вон кресло. Так тряслись над каждым пятнышком, не дай бог. Ваську шугали, чтобы не драл ткань когтями. Куда там! Он же кот. Ругали его, гоняли... А он, бывало, пристроится к стенке дивана, смотрит на мир дикими глазами и царапает, царапает, царапает. Вот это место, видишь? Я его похожей тряпицей заклеил. Он и эту тряпицу напоследок ободрал. Господи! О чем я жалел! Всё бы отдал, чтоб он хоть денек еще что-нибудь здесь поцарапал. Увы. Не бывает.

Вон он, над обеденным столом. Портрет. Я обещал показать. Смотрит, смотрит, смотрит... Когда-то я думал: какое удачное фото. И правда. Только вот смотрит и смотрит. Кот Василий. Видишь, там амулетница подвешена снизу. Там мне Ник – это ветеринар – с него несколько волосков состриг на прощание. Василий последнюю неделю ел плохо, ослаб. Такое бывало, но как-то всё чаще и чаще. И дышать стал совсем тяжело. И на окно уже с трудом запрыгивал. А то и отказывался, хотя и примерялся. Да и возраст. Лет шестнадцать, я думаю. Никто уже толком и не помнит, хотя Ирина могла бы напрячься. Это она его, маленького, беспомощного и одинокого нашла когда-то в кустах. И выходила. ...Короче говоря, отвез я его к Нику на осмотр. Вася ведь диким был, диким остался. Хотя всю, всю! жизнь прожил с нами. Поймать его – та еще проблема. Исцарапает в кровь. Изорвет просто. А уж кричит! Кричал... Так я в этот раз его обманом взял. Тот же Ник посоветовал. Клетка-то для переноски у меня есть. Была. Но туда его точно затолкать невозможно. Сейчас я его взял в руки – секунд на десять это возможно, а потом быстро засунул в корзину для белья. Так и отвез. Господи! Как же он

плакал. Это теперь во мне. Я его обманул. На этом мы и расстались Навсегда. Хотя, наверное, для его блага. Так я себя утешал. Сейчас перестал. Прости, кот. Так вот, я его оставил у Ника и поехал на работу. Процедура часа на два. Потом мне позвонил Ник: «Боюсь, что у меня для вас плохая новость. Подъезжайте».

- «Вот рентген. Здесь места живого нет. Метастазы. Неделя, две. Что скажете?»

И я впервые в жизни принял окончательное решение: «Не нужно его мучать. Давай отпустим». Это «отпустим» болит тоже. Не проходит. Время идет – не проходит. А вон две мышки на его рамке сверху. Плюшевые. Их здесь иногда прилагают при покупке кошачьей еды. Так он с ними и не поиграл. Пусть поскорбят. Он был хороший. Пару дней назад сидел я вот здесь за компьютером, краем глаза вижу, слева на валике дивана Васька прилег, кимарит. Потянулся рукой погладить – наволочка от подушки скомканная лежит. Так больно стало!... Смотрит, смотрит, смотрит...

А фото справа от двери - это я. Как раз тогда, когда я с тобой расставался, я говорил, заскочил в последний момент перед отъездом в аэропорт? Руководитель отдела в большой компании в Алма-Ате. Последний раз в жизни в цивильном: пиджак очень приличный, сорочка в тон, галстук... И брюки, и обувь от Моресси – отсюда не видно, снять надо было и на стол, что ли, разложить-поставить. Очки, вот они, эти самые, я в них теперь на велосипед сажусь. Истерлись совсем. Это ж сколько им? Я их перед отъездом в Алма-Ату у Леона сделал. Четверть века с гаком! Тоже реликвия. Из прошлой жизни. Из жизни.

Чаю попьем? Или кофе? У меня конфеты должны быть. Помнишь, как ты покупал кое-какие конфеты и угощал ими Бориса? Мы с Ириной тогда очень сердились, ему это было запрещено. Сызмальства проблемы с желудком. И ты стал от него конфеты прятать. А? Ну конечно. ...А тот случай? Я тебе наверняка рассказывал. Мы тогда все вместе жили на Хавацелет. Я вернулся с работы, стал открывать ключом дверь. Чувствую, с той стороны что-то мешает. Я постучал. Тишина. Постучал опять. Там кто-то завозился, потом Борис, ему тогда лет пять было, открыл мне дверь. Он был дома один. Я спросил было, в чем дело, но не договорил, увидел такую картину: сын с трудом заглатывал что-то большое, всё его лицо было в шоколаде от подбородка до бровей. Он жевал и глотал и смотрел на меня страшными глазами. Наконец проглотил и шепотом закричал: «Замолчи на меня! Замолчи!..» Это было так мощно, папа!.. Ну да ладно. К слову пришлось. Чай?.. Не будем? Не будем. Потом.

А вот на этом фото мы с Олегом. Это в Алма-Ате. Лет за пять, наверное, до того фото, где я в цивильном. Год ноль-третий, ноль-четвертый... Олег тогда уже

возглавлял большую компанию в Москве. Они для меня небольшой филиал в Алма-Ате соорудили. При хозяйстве Еркина, одноклассника брата моего Виктора. Витя там, кстати, в то время департамент логистики возглавлял. До отъезда в Канаду. Посмотри, как хорош здесь твой внук. Силен, красив, уверен в себе. Обнял отца. Так тепло от этого. До сих пор. Навсегда. А часто ли я обнимал тебя, папа? А ведь это, оказывается... как мать сыра-земля для Ильи для Муромца. Дает силу жить дальше. Как бы обнять тебя сейчас? Как бы?..

Вот мой рабочий стол. Два локтя на локоть. Монитор вполне приличный. И есть чуть-чуть места, чтобы поставить здесь поднос с кофе, творогом и лепешкой – это если завтрак. После работы, бывает, пельмени сварю. Здесь в русском магазине хорошие пельмени. Восемь минут, восемь штук. А то и девять... Ты вряд ли помнишь, а у меня отложилось навсегда, как я у тети Вари Копаневой сорок штук пельменей наворачнул. Очень гордился и хвастался этим потом. Нет? Мы жили в Титане, а Копаневы в Кировске. Это казалось мне так бесконечно далеко! Сейчас посмотрел на карте – фактически пригород. Была там электричка. Или не электричка? Просто пригородный поезд, а? Так вот этим поездом – или всё-таки электричкой – я до Копаневых и добрался. Не скажу уже, платил я за эту поездку или нет. Какой же это был год? Раз Титан, значит пятьдесят шестой или пятьдесят седьмой. Первый или второй класс. Как-то не уверен. Может, и третий. Тогда пятьдесят восьмой. Но не позднее. Точно зимой. Были тогда дома Люся и Володя? Совсем смутно. Зато хорошо помню тетю Варю, как она всё подкладывала и подкладывала мне пельмени. Какие же вкусные!..

Что я готовлю себе? Да ничего не готовлю. Ты посмотри, в какой я хорошей физической форме. Недавно взвесился, шестьдесят пять, переходящие в шестьдесят четыре. Это всего на килограмм больше, чем когда я активно педали крутил в институте. Мой особый секрет для поддержания формы: невкусная еда. Чем хуже, тем лучше. Хотя последнее время стал замечать, что силы иссякают. Может, начать жрать? Не хочу. Ничего. Даже пельменей тех... Хотя... Предложил бы кто-нибудь от души. А лучше с любовью. Некому. Вот и хорошая форма.

Ну да ладно. Напротив вон телевизор во всю стену. Почти не смотрю. Только беззвучно девятку включаю: там всплывает информация о ракетных обстрелах: список городов, ракеты или беспилотники, ложная тревога... Иногда полезно. А выше кондиционер. Печаль моя. Когда-то с Ириной решили, что нужно купить инвертер. Модно и типа экономия. Стыдно. Я же специалист. В общем, проблемный аппарат. Живет своей жизнью, иногда сам собой отключается навсегда. А главное – ревет, как вертолет. А уж счетчик крутится!.. Это ничего, что я тебе всякую чушь рассказываю? Я просто примеряю на себя, как бы я реагировал на то, что рассказывает мне сын. Важна каждая мелочь. И тебе? Ну вот.

А квартира... Я уже говорил или нет? Она наша пополам с Ириной. Когда развелись, решили, что я останусь здесь, а она переберется... Куда-то там. Сейчас живет со своим другом. Или новым мужем, я не уточнял. Пережил. Хотя с трудом. Хотя и не пережил, пожалуй. Ну так вот. Я здесь живу. Я за всё плачу. Но она, квартира, от этого не перестает наполовину принадлежать и Ирине: она же где-то что-то за съемную квартиру платит. Жаба меня не душит? Нет.

Видишь, здесь по стенам ещё фотографии. Это я развесил. Ты ведь у себя в хостеле так развесил всё, что было дорого тебе. Помнишь, ты мне с гордостью показывал? И рассказывал. Теперь вот и я. Когда было совсем невмоготу. Систематично отбирал, заказывал в фотоателье – а как это по-другому назвать? – большие фотографии, покупал более-менее одинаковые рамки 21x18, размечал места, куда вбить гвоздики - тоже, знаешь, проблема, развешивал. Вот они. А есть еще в моей спальне, я покажу, и в спальне Бориса. Нет, он здесь не живет. И почти не бывает. Больше года уже не виделись. Но это его комната. Хотя я там иногда за компьютером тоже сижу. Нет, там не этот, там другой компьютер. Сколько их, компьютеров? Четыре, по-моему. Если не считать телефон. Да, господи, папа! Хоть двадцать. Умнее от этого никто не становился. Счастливее тоже.

А вон, видишь, над телевизором в рамке? Там домик вырезан из бумаги, а под ним что-то, похожее на море. Или радугу. Знаешь, что это? Это лет пять уже или шесть назад гостил я у Олега в Москве. И это мне в порыве чувств Ариша нарисовала. Младшая внучка. Ей тогда года четыре было. А потом ей Дашенька, старшая, помогла всё это скомпоновать. Очень дорого мне. Это же подарок.

А под рамкой, видишь, лист бумаги в прозрачном файле? Кнопками к стене прикреплен. Я тебе сейчас прочитаю, что там написано. Ты сам? Не сможешь. Нужен перевод. Это на раннем детском русском языке: «Мама, папа, скоро Новый год. Я люблю вас. Я вас поздравляю с Новым годом. Дедушка, бабушка. Я вас поздравляю с Новым годом. Написал Боринка». Имя автора я не адаптировал, как написал, так и написал. Сильно, правда же? Вот так, мой хороший. Здесь твои внуки. Здесь твои правнуки. Здесь твой непутевый сын.

А вот здесь, на этом фото, тот самый Борис, твой внук. Почему он Борис? Потому что ты Борис. Он ведь у меня поздний. Сорок три мне было. Это Ирине было двадцать три, мне-то сорок три. Уже жизнь и своё место в ней более-менее ощущал. Потому и Борис. Здесь он с Лусией. Кошка-персиянка рыжая, помнишь ее? Забавная. Когда еще махонькая была, опустишь ее на пол, а шайш – это плитка напольная полированная – рыжий. И она рыжая. И не видно! Ходили, как полотеры. А здесь на фото с Борькой она уже взрослая. Как он ее на руках держит, а! Не знаю, приятно ли ей, характер у нее был так себе, если честно, а

Борису нравилось. Одно из немногих фото, где он искренне улыбается. Не очень широко, но улыбается. Люблю это фото. Борису здесь лет девять-десять, наверное. И они с Лусией в том самом кресле, вот оно. Сколько прошло? Почти четверть века. Летит время, правда?

А вот это, пожалуй, самое дорогое мне израильское фото. Посмотри, кто здесь! Это восемнадцатый. Да нет, не тот, что «в борьбе и тревоге». Шучу. Это конец апреля. Прилетел Олег со всем семейством. И Борис пришел. Заглянул. Так было здорово: два сына и я! Это мы на фото. Счастье! ...А уж на следующий год!.. Это было одиннадцатого апреля девятнадцатого года. Мне семьдесят лет. Семьдесят, папа! Хотя и это уже пять с лишним лет назад. Ко мне на день рождения прилетел из Москвы Олег, а с ним – все, все, все. Такой подарок, папа! Олег, Оксана, Иван, Даша и Ариша. Какие внуки!!! Умные, доброжелательные, общительные, естественные... Какие же Олег с Оксаной молодцы! А в первый вечер вот за этим простеньким кухонным столом собрались мы за скромным ужином по поводу юбилея. И тут появился Борис! С тортом. Ты знаешь, папа, я расплакался. Два сына и я. Ты меня понимаешь?.. Да что я спрашиваю?!

Вот я смотрю, смотрю, смотрю на это фото... Как же так, а? Где вы, сыновья? Мне ведь прошлой весной, что прошла-пролетела, семьдесят пять было. Стукнуло – хорошее слово. Я знал, что никто не придет. Это вошло в привычку: знать, что никто не придет. Да и никто, кроме сыновей, брата да нескольких не забывших меня друзей (а есть они, друзья?) о дне моего рождения не знает. Ты и мама – вы знаете. Брат черкнет строчку – это греет. Как и я ему. Надеюсь, греет тоже. Хоть чуть-чуть. Но как-то, честно, думалось: семьдесят пять, юбилей. Я ненавижу дни рождения. Давно. Всегда один, даже когда был семейным человеком – а был ли? Не то чтобы привык, нет, свыкся. А в этот день скорлупа трескается, так? И сразу вспоминается что-то вроде того дня рождения, когда мне подарили сразу два комплекта городков, а Вадим ел ложкой горчицу – и хоть бы хны. Светлая ему память. Светлая память моему детству. И так хочется, чтобы кто-то родной, близкий, нужный... Чтобы вспомнил. Сам. И почему-то, как в детстве, до боли, до крика захотелось какого-то подарка от сыновей. Я понимаю, папа, я чувствую, как тебе хотелось какого-то подарка от твоих сыновей, от меня. Что-то я наверное дарил. Я уже не помню. Хотя нет, по-моему носки я как-то искал для тебя специально. Это сейчас выглядит очень несолидно, но ключевое слово здесь «искал» и «специально». Это было непросто. И я искал, искал не потому, что так надо, а потому, что мне хотелось сделать тебе приятно. Не уверен, что это были носки, но это желание сделать тебе приятно, оно было, я не забыл. Это главное.

Так хотелось мне, чтобы сыновья вспомнили обо мне в этот мой день рождения. К вечеру Олег поздравил, написал в телефон. Это лучше, чем ничего. Да и время сейчас такое, сам знаешь... А Борис не написал ничего. И не позвонил. И когда стрелка часов - вон они на стене висят, обычные стрелочные часы - показала, что день закончился, ты знаешь, папа – я заплакал. От безысходности. От того, что юбилей этот уже не повторится. И сыновья мои не смогут со второй попытки избежать страшного чувства – чувства вины перед отцом. А это чувство придет, это я знаю. И с ним придется жить. А на следующий день написал я им письмо, отправил на их телефоны. Не удержался. Да и чего уж... Вот оно, это письмо. Оно в памяти телефона осталось, я прочитаю, ладно?

«Дорогие мои сыновья, Олег, Борис.

Вчера у меня был юбилей, семьдесят пять.

Дни рождения для меня – это очень тяжелое событие. Видимо по контрасту с детством, когда день рождения это радость. И у меня это отложилось в подсознании. Теперь каждый мой день рождения наполнен мучительным ожиданием: появятся самые дорогие мне люди или нет? Самые дорогие – это вы, Олег и Борис. В этот день я всегда брал отгул на работе и никому не сообщал о дне рождения. Кто знает, тот позвонит/напишет. Нет – нет. До сих пор вы появлялись. И у меня к полуночи гора падала с плеч: всё хорошо.

За последние три десятка лет я один только раз почувствовал себя счастливым. Вы помните. Это когда Олег с семейством прилетел ко мне на семидесятилетие, а вечером пришел ты, Борис. Да еще с тортом. И осталась на память та фотография, где мы втроем: Олег, я, Борис. Там я счастлив. Спасибо.

В этот раз не случилось. А вы знаете, о чем я думал, когда приближался этот юбилей? Мне почему-то грезилось, что сыновья за моей спиной договариваются о том, как поздравить отца. И вместе спросят меня: «Что тебе подарить, папа»? А я отвечаю: «Уже подарили. Вы разговариваете со мной, называете меня папой. Это всё». У меня всё есть, нет только вас рядом.

Не случилось. Ты, Олег, написал короткое сухое поздравление. Впрочем, я понимаю ситуацию. Да и сам я на этом настаивал. Ты, Борис, впервые за всё, пожалуй, время, не позвонил и не написал ничего. Что я могу сказать? Больно.

Семьдесят пять – это много. Это старость, если называть всё как есть. Моих сверстников, с кем учился, работал, дружил, осталось немного, три из десяти это с трудом. У меня вполне ожидаемые, хотя и неожиданные, проблемы со здоровьем: легкие работают всё хуже и хуже. Причина неочевидна и не определена. Хожу к пульмонологу. То рентген, то ультразвук, то СТ, то

лаборатория. Вскрытие покажет всё в деталях, но хотелось бы оттянуть это событие. Велосипед не бросаю, но когда сорбционная способность легких падает, бросай – не бросай... Дважды меня откачивали кислородом на работе. Благо, босс и его брат – военные парамедики. У них всё с собой, полный рюкзак. Не то чтобы умирал, но воздуха не хватало очень.

Кстати, как я провел юбилейный день. С утра прошел автомобильный тест (техосмотр). Это подняло настроение. Потом рассказал о себе моим отцу и матери (это ваши дед и бабушка). Им есть дело до моего рождения. Так же, как и мне до вашего. И это природа: они любят меня, я люблю вас. Другое невозможно по естественным причинам. А потом поехал в Гранд Каньон и купил черный костюм. Недорогой, но приличный. Висит в шкафу.

Итак, семьдесят пять – это много. У меня остались несколько нерешенных проблем, которые я сам не могу решить. Нужна ваша помощь. Скорее, твоя, Борис. Олег физически (обстоятельства понятны) сделать этого не может. Мог бы – сделал бы, здесь я не сомневаюсь.

1. Мне нужно упорядочить мои дела с завещанием. Если ты, Борис, мне в этом не поможешь (это в определенном смысле функция душеприказчика), всё просто рассыплется в прах. Не то, чтобы там несметные сокровища, но это всё, что есть. И тяжело доживать с мыслью, что рассыплется от того, что сын не взял на себя простую сыновнюю заботу.

2. Мне нужно, чтобы ты, Борис, общался со мной хотя бы раз в неделю, просто голосом. Это чисто утилитарная задача. Если рядом не окажется кислорода (да мало ли чего), то никто не хватится меня в течение месяца, двух, трех... Это из текущих наблюдений. Не звонит и в дверь не стучит никто. Тогда и костюм не понадобится. Пропадет зазря. А когда обнаружат случившееся, все равно будут звонить тебе, Борис. Это будет совсем не эстетично. Так что лучше подстраховаться.

Остальное... Просил бы вас любить меня... Не буду. Это нужно было заслужить.

Я вас люблю. Очень хочу, чтобы закончилось всё это там и здесь. Хотя надежды мало. Мягко говоря. Ты, Олег, будь сильным. На тебе целая орава замечательных любящих людей. Я их люблю. Ты, Борис, будь сильным и успешным. И взрослым наконец. А будет возможность (и будешь готов) – вали отсюда. Здесь война не кончится никогда. Если эти убьют всех тех, то эти поделятся надвое и начнут гнобить друг друга. И так далее. А по поводу сказанного: найди время, заедь, чтобы обсудить упомянутые два вопроса. Выбора-то нет.

Олег. Борис. Дорогие мои сыновья. Люблю вас. Будьте счастливы.

Папа».

Они не ответили. Ты знаешь, отец, я, пожалуй, тоже не ответил бы на такое письмо. Эмоциональное и рациональное пятьдесят на пятьдесят. Что отвечать-то? Но мне не стыдно. Тебе-то я могу рассказать, мой родной. Почему и зачем? А я – это ты.

А вот здесь на этом фото у окна – это Ариша, младшая внучка. Здесь ей лет пять, наверное. Олег сфотографировал и прислал по Вацапу. Что такое Вацап? Опять? Я же... Ладно, не бери в голову. Способ коммуникации. Да-да: «Не порицай отца за то, что он не разбирается в простых на твой взгляд вебтопах и пейволлах. Припомни, когда-то он учил тебя держать ложку». Итак, Аришка! Олег застал ее за делом: что-то рисует. Посмотри, как доброжелательно она смотрит на отца. И на меня.

Когда они были у меня в восемнадцатом, а потом на семидесятилети, мы ходили на море. Километра три, наверное, я говорил. Аришка всё время просила: «Деда, на шейку». И я с таким наслаждением нес ее. Потом, понятно, Олег перехватывал. Сейчас я, пожалуй, не смог бы. Да и десять ей скоро. Учится хорошо. Поёт. Недавно Олег прислал небольшой клип по Вацапу... Клип – это такая видеозапись – я понятно объяснил?... Там она исполняет что-то задорное на выпускном утреннике в школе. Соло. Замечательно. Не стесняется аудитории, поет. Солнышко.

Здесь, с другой стороны от окна, это мы, твои сыновья, Виктор и я. Это мы в Алма-Ате, в Глотуре. Где-то четвертый-пятый год. Ну, в смысле, две тысячи четвертый, понятно же. Это значит, мне пятьдесят пять, Вите сорок семь. Пацаны. Я тогда как раз купил простенький цифровой фотоаппарат Сони, вон он в ящике валяется за ненадобностью. Теперь телефоном гораздо проще и фото, и видео снимать. Как телефоном? А вот видишь, на обратной стороне телефона объектив. Маленький? Бывает и меньше. Да еще три сразу, вот как здесь. Сейчас целая индустрия есть, снимают фильмы с помощью телефонов. Шагнула технология. Так, кажется, говорили прежде? Семимильным шагом шагнула. А люди всё те же. Мы-то с тобой не изменились, а, папа? Так вот, тем самым Сони нас с Виктором один из его работников и щелкнул. Витя тогда уже настраивался на Канаду. Он теперь там, в Торонто. Рядом с Ниагарским водопадом. Он же присылал тебе фото, так? Мне тоже.

Надо бы нам с Витей повидаться. Сколько же мы не виделись? Скоро лет двадцать будет. Надо повидаться. Я хочу, чтобы он сюда приехал. Вот война закончится, самолеты начнут летать нормально... Надо. Есть понятная причина, мы-то знаем. Некомфортно здесь, конечно, но есть на что взглянуть. А уж я к нему... Не знаю даже. Заболею пожалуй. Это к тому, что уезжать от той природы – он же присылал эту золотую осень – будет очень больно. Вон Борис, каждое лето летал в Норвегию. В этом году, правда, в Финляндию. Когда возвращался в этот раз, расчувствовался почему-то и после годового молчания написал несколько строк: «Скорее всего генетика играет роль, да. Там дом ощущается даже при том, что страна и люди чужие. Они ближе, чем местный народ». Вот это я и чувствую: бесконечная тоска по запаху сентябрьского шонгуйского дождя. Ты ведь писал такое про свой Алексин? И мой тоже... В общем, это мы, твои сыновья на этом фото.

А здесь – этот красивый сильный парень – это твой внук, Олег. Первый внук. Слегка пижон, но, черт возьми, как же он хорош! Это фото он прислал тебе. Там внизу есть маленький бумажный прямоугольник с напечатанным тобой пояснением: «Москва, 1998 год». Где-то сразу по завершению Физтеха. Ты гордился. Я горжусь. Такой портрет у меня на стене рядом с твоими сыновьями. Вот такой он, мой старший сын, твой старший внук. Мужчина.

Ну а это... Ну а это, правильно, это твой старший сын, папа. Это я. Не такой старый, как сейчас, но уже не мальчик. Хе-хе. Лет семь назад, наверное, сфотографировался сам, телефоном, я уже рассказывал. Селфи называется. Ну, неважно. Здесь, недалеко. Этот портрет, кстати, у меня в аккаунтах Вацап и Фейсбук. А, ну да. Про Вацап я рассказывал, кажется. Фейсбук... Из той же области. Не буду долго объяснять, ладно? В конце концов, просто средство общения. Как на скальные рисунки, голуби, почта, телеграф, радио, телевизор... Да мало ли? По мне так очень смахивает на столбик у тротуара, к которому по очереди собачки подходят и метят. А как еще они могут за глаза приязненно пообщаться...

На кого похож? На кого твой сын может быть похож, папа? Вот фото мамы рядом, видишь? Похож? По-моему, похож. А вот ты. Похож? Родной мой, как я стал похож на тебя, ты даже не представляешь себе. Иногда мне кажется, что внутри меня ты. Ну да ладно, что об этом говорить. Детям своим расскажу, если захотят услышать и если смогут понять. Не факт. Внукам? Они ведь были здесь. И видели тебя издалека, думаю, ты не обратил внимания просто. Обратил? И как они тебе? Расскажу и им. Придет время.

Кстати, о внуках. Вот здесь на фото ты с Борисом. Узнал? Ты в белом блузоне со всеми орденскими планками. А Борька у тебя на руках. Я так думаю,

это День Победы, 9 мая. Год? Девяносто пятый, наверное. Или девяносто шестой? Ну, или-или. Раньше – вряд ли. Позже? Девяносто седьмой? Может быть. Но этот год ни я, ни ты... Лучше не вспоминать, а, папа? Борис здесь очень упитанный. Не тяжело, папа? И смотрит с вызовом. И, по-моему, с какой-то обидой. Чуть-чуть. Почему, а, папа? Так я и не знаю этого. Хочу наконец поговорить. Знаю, что виноват перед ним. В чем? Раз он на что-то обижен, значит, чего-то не получил в жизни. Кто мог ему это что-то дать? Только я. Значит, не дал. Мог? Какая разница, мог-не мог? Потому и хочу поговорить. Объяснить, что прошлого не вернешь, а оставшуюся жизнь надо прожить. Попрошу прощения. поймет? Опять же, какая разница, поймет-не поймет. Делай что должно, и будь что будет. Не я сказал. Но осознал наконец объективность этого посыла. Хорошее понятие объективность, а? Существует, на нас влияет, от нас не зависит и нашему влиянию не подвластно. Принимай его, не принимай – ему, извини, пофиг. А ты здесь молодец. Ну да, ты же моложе меня здесь. А я ещё о-го-го! Шучу. О-го-го – так гуси разговаривают. Помнишь, учил этого мальчика, который у тебя здесь на руках: «А как киса разговаривает? Ну, скажи дедушке, как киса разговаривает?.. Боренька знает, как киса разговаривает?.. Правильно, Миу...»

А я тогда нарифмовал ему это странное стихотворение про кошку. Помнишь?

Мальчик на улицу смотрит в окошко:

Ходит по улице синяя кошка.

Разве бывают синие кошки?!

Мы перепутали что-то немножко.

Кошка скрывается за поворотом.

Мальчик опять видит странное что-то:

Кошка ушла, а за нею спешат

Четверо синих-пресиних котят.

Кто этот маленький мальчик в окошке?

Мальчик, которому нравится кошка?

Боренька, папин и мамин сынок,

Боренька, бабы и деда внучок.

У него ведь не было навыков учить стихотворения, петь детские песни... Я это только потом понял, совсем поздно. Этим же кто-то должен заниматься. Мне мама и папа читали стихи, а потом подводили к тому, что так красиво и интересно я тоже могу разговаривать. Олежка замечательно рассказывал в детстве «наша армия родная» и совершенно чудесное стихотворение про осминогов и осминожек... У меня даже запись магнитофонная есть. С трудом перенес ее на цифру. Что такое «на цифру»?.. Ну... В общем, современный магнитофон. Термин такой. А Борис... Вот здесь, наверное, мы с Ириной ему и не додали. Да что там не додали?! Не дали. А в детстве не дашь, потом не появится это ниоткуда. Вы с мамой немного занимались с ним, но разве это возможно: оказаться на чужой планете без атмосферы и пытаться воспитывать внука так, как будто планета всё та же, прежняя? Ирина читала ему какую-то чудную книгу про Грибуля. Я однажды попробовал почитать ему её... Ощущение до сих пор, что рассказывал что-то из жизни посторонних жуков. «В стране дремучих трав», только безвозвратно. Эх бы здесь да мои детские книжки, русские сказки с иллюстрациями Билибина и Васнецова! Где там! А мог бы. Книг здесь – завались. Ну да ладно. К чему я? Ах, да, то стихотворение про синюю кошку – как он с удовольствием его декламировал. Запоминал с трудом, навыков никаких. Но с удовольствием. Такое вот воспитание. Синяя кошка... В общем, вот такие вы здесь на фото, два Бориса. Родные мои...

Вот здесь! Знакомое фото, папа? Два очень молодых военных, лейтенант и курсант. Лейтенант чуть постарше, он сидит. Курсант у него позади, за левым плечом, стоит, как и положено младшему. И по званию, и по возрасту. Да и просто как младшему брату. Сорок шестой, наверное, год. Или сорок седьмой? Старший – это ты, папа. Орден Красной звезды, медаль За боевые заслуги – я так любил держать их в руках! Фронтовик. Если это сорок шестой, то двадцатидвухлетний фронтовик. Победитель. Курсант – это дядя Ося. Ты помнишь, я как-то раз спросил, почему вы непохожи... Или это мне сейчас кажется, что я спросил... А вот еще: ты как-то сказал мне, ребенку, что тебя в детстве дразнили так - Манила. Мне это было непонятно, я переспросил, а ты как-то ушел от ответа. Теперь-то я знаю. Ты написал в своих воспоминаниях, вот, я прочитаю с компьютера: «...Белиловский Владимир Абрамович стал мне настоящим отцом. Мне сейчас думается, что я не смог бы (слава Богу, и не пришлось) вытирать нос чужому ребенку. А он с 1928 года и до самой смерти (18 ноября 1963 года, похоронен в Алексине на старом кладбище) ни разу не дал мне почувствовать, что я ему не родной сын. Мало того, он так же относился и к моим детям, Юре и Вите. Поклон и большое ему за это спасибо. А для себя, моих сыновей и внуков (чтобы не было путаницы): мой отец - это Белиловский Владимир Абрамович, 1889 года рождения...»

А ты помнишь, папа, как я звал твоих маму и папу? Именно так: бабуля Лена и деда Володя. Почему не «дедуля»? Не могу сказать. Но наверняка не из-за разного уровня родства. Это никогда не возникало. Скорее всего, из-за разного восприятия мужского и женского начала. Как было здорово, когда мы с дедой Володей сидели на скамеечке возле ворот, снаружи, внутри-то скамейки не было, и ждали вас с мамой из кино. Вечер, темно, у соседнего дома на столбе тускловатый фонарь. Луны не было. Зато были такие ясные и почему-то теплые звезды. Так хорошо мне было рядом с дедой Володей. Он иногда прижимался к моей щеке своей не очень чисто побритой щекой...

- «Колючий!» – Как я помню это прикосновение, папа! Как будто только что. И как мне было замечательно от этого прикосновения.

- «Золотце мое», - говорил мне деда Володя. Как сейчас...

...А дяде Осе здесь, значит, лет шестнадцать-семнадцать. Ты знаешь, папа, твое фото отсюда твой внук Олег поместил на воротах своей дачи в День Победы. С гвардейской ленточкой. А потом они всей семьей спели «День Победы». И прислали мне видео. Гордятся тобой, дед. А я даже и не могу сказать, горжусь ли. Это просто не то слово. Люблю. Это поглощает всё. Но и это не вполне то самое слово. Как же всё-таки слаб язык как инструмент преобразования мыслей и особенно чувств в информационные кванты. Где-то я уже писал об этом. Обозначил проблему, так сказать. Просто я – это ты. Ты меня понимаешь, папа?..

Да, с дядей Осей я списался. Где-то в твоих записях нашел адрес. Ничего?.. Он даже фотографии прислал. Старенький. Ну да, все мы не молодеем. Когда? Да давненько уже. Больше десяти лет тому. А как вы здесь сфотографировались? В книге ты об этом не писал. Нет? Ну ладно. Вы здесь такие молодые! Вся жизнь впереди. А меня тогда и вовсе не было. А сейчас мой старший внук почти ровесник вон того лейтенанта... Только он так далеко! Как же так, а, папа?..

А вот здесь, узнаешь? Этот красавец подполковник запаса при всех регалиях. Иконостас, а! Запаса или в отставке? Ладно, не важно. Какой же это год? Середина восьмидесятых. Это Алма-Ата, Мемориал Победы. Девятое мая, я знаю. Я как-то не очень восторженно к этому относился, даже не знаю почему. Мне почему-то сейчас видится, задним числом, так это называется, а?.. Что там, в далеком детстве моем, в Исакогорке и чуть позже в Титане и Шонгуе, ну не было грандиозного празднования. Или это мне только кажется: все-таки малюсенькие гарнизоны... И в/ч 40420, а! Видишь, не забыл. Где уж там праздновать. А потом мы оказались в сравнительно крупных городах, где бывали и демонстрации и

даже парады. И в/ч 19680... Наверное, так. Всё-таки как много в нас формируется в первые годы детства, в самом начале познания мира.

А рядом с тобой – ты держишь его за руку – это твой внук, Олег. Мой старший сын. Сколько ему здесь? Лет восемь-девять, пожалуй. Тогда это восемьдесят четвертый – восемьдесят пятый. Надо бы у него спросить. Ты знаешь, папа, недавно он вспоминал, мы же по Вацапу переписываемся, а иногда и разговариваем, что любимая его фотография с тобой, это где вы у Мемориала в День Победы. И я тут же прислал ему это фото. И он подтвердил: да, эта. Как здорово, правда?..

А за спиной у фотографа Дом офицеров. Наверное уже новый. Старый, деревянный, тоже сохранили как памятник в общей структуре. В старом Доме офицеров я, как мне кажется, завершал свое музыкальное образование. Не уверен, но как-то так у меня это отложилось. Тот самый зеленый перламутровый аккордеон Фиротти. Три четверти. Начал я в Каршах. Яков Александрович был учителем. Тоже в Доме офицеров. Помню, мама мне говорила, когда я разучивал какую-то простенькую пьеску, Маленькую польку, пожалуй – до-ми-соль-ми-соль-фа-рее... соль-фа-ре-фа-ля-соль-ми...: «У тебя басы воют»,

-«Нет, не воют»,

-«Нет, воют»,

-«Ну и сама тогда играй!»...

В новом Доме офицеров в Алма-Ате я был как-то на новогоднем детском утреннике вот с этим самым мальчиком, моим Олежкой. Было ему тогда лет пять. Мы с Татьяной были накануне развода. Сейчас прочитаю тебе, найду отрывок... Вот: «...В тот раз отец достал им пригласительный билет на детский новогодний утренник в новый окружной Дом офицеров. До этого мальчик не бывал на больших праздниках, где собираются много людей, а Новый год они обычно встречали в семейном кругу. Сейчас он наблюдал со стороны, как его пятилетний сын ходит в хороводе вокруг елки, как по команде Деда Мороза и немолодой, но бойкой Снегурочки сначала неумело и неуверенно, потом оживленно и наконец радостно хлопает в ладоши, вовлекаясь в общее веселье. У него вдруг пронзительно защемило сердце: он знал, что ещё немного и они расстанутся. Всё шло к разводу и он ничего уже не мог с этим поделать...» Ну да, написано от третьего лица. Мне так было проще. Потом, когда закончил – а писал я долго, подумал, что надо бы не стесняться своего Я, но это оказалось технически неисполнимо. Да ладно. Понятно ведь? А, пап?.. Ты посмотри на этого мальчика, папа. Посмотри, какое у него хорошее и доброе лицо. Умные внимательные глаза. Знаешь, на кого он похож? Пойдем в соседнюю комнату, покажу.

...Ну вот. Это моя спальня. Раньше была моя и Ирины. Потом она ушла. Ну я об этом тебе рассказал уже. Тяжело одному? Да нет, не тяжело. Просто никак. Помню, что жил когда-то. Да и то не наверняка. Какие-то обрывки. И время от времени короткое озарение: скоро – всё. А!.. Пустое, как говорят в книгах. Ушла... Ставлю себя на ее место – смешно, да? Ну, как могу. На Васисуалия Лоханкина становлюсь похож: «Может быть, именно в этом великая сермяжная правда!..» Кому от этого легче? Так вышло. Не вернешь. А знаешь, что она сказала мне на прощанье? Сказала: «Ты угрюмый». Угрюмый и безрадостный – это синонимы? ...Да, спальня... Маленькая? Ну что ты, не маленькая, малюсенькая. Привык. Зато с постели, а она осталась та же, двуспальная, можно всё достать. Тем более, что здесь и нет ничего, ха-ха. Хотя вот шифоньер огромный. Там одежда и постельное белье. Я думаю, если процентов восемьдесят выбросить, то никто – а никто-это я – и внимания не обратит. Как же много по жизни копится ненужных вещей! Помнишь, ты всё время мастерил в доме полки и полочки. И они сразу заполнялись чем-то. Маме было удобно. Ты был доволен.

В Израиле, да и не только в Израиле, я думаю, профессия менеджер склада – кладовщик, если по-простому – очень уважаемая. Смотрю я на этот шкаф и понимаю: уважаемая. У меня когда-то возникла идея делать полки не горизонтальными, а наклонными от стены вниз наружу. Может быть, может быть. Пока реализовать не удалось. Выбрасываю время от времени, но копится быстрее. Да ты сам видел мою кладовку там внизу. Тот рулон рубероида надо бы выкинуть, потом проще будет с остальным разобраться. Только он, собака, тяжелый. Когда заносил, а это было с полгода назад, собирался сам крышу подлатать, сил было явно больше. Сейчас тяжело. И легче уже не будет. Ладно, как-нибудь осилю. Беда в том, что в общие мусорные баки, а они тут рядом, выбросить не удастся. Арабская бригада пару раз в неделю по утрам баки меняет, если обнаружит что-то неконвенциональное, в смысле – не бытовое, тут же выбрасывает из бака на землю. Так и лежит оно, пока кто-то не оттащит к проезжей части. Там специальная машина временами появляется, собирает всю эту зевель. А, прости, зевель – это крупный мусор. По-здешнему. Привык, проскакивает иногда. Ну ладно...

Фотографии на стенах. Я вот эту хотел показать. Посмотри на этого мальчика в сугробе. Узнаешь? Нет? Я с ним тоже только по фото знаком. Это Артём, мой младший внук, твой младший правнук. Три года было в мае. Посмотри ему в глаза. Там мысль и доброжелательность. А теперь пойдём обратно, посмотрим в глаза Олегу. Там, где он с тобой у мемориала. Видишь?! Как две капли. Как я хочу этого мальчика увидеть, папа! Олег звал, а я не могу. В своих воспоминаниях ты написал... Сейчас найду... Вот: «...А Юра, говоря о возвращении, упоминал и покупку там частного дома. Я понимаю: частный дом –

это и сад с огородом, это и дача и гараж, это, наконец, и дед в качестве Трезора...» Ты тогда думал о том, как побыть возле сына. Мне ты ничего об этом не говорил, мой родной. А сам я вряд ли догадался или почувствовал бы. Слишком был занят своей напроць разрушенной жизнью. А ты не навязывался... Ладно. Тема не просто больная, тема фатальная. Ну так вот, я последние лет десять, когда остался совсем один, тоже думал об этом. Непрерывно. О себе, конечно. А время шло и шло. И если сначала я еще мог себе представить, что я нужен старшему внуку Ивану, потом внучкам Даше и Арише, то теперь Ивану за двадцать, он студент третьего курса, не общаемся совсем, я настоял, так сложилось. Даше пятнадцать – красавица девушка. Зачем я ей? Арине десять. Еще год-другой – и всё. Дети перестают быть детьми очень быстро, а старики остаются стариками до самой смерти. Олег с Оксаной орлы, конечно. В сорок пять родить ребенка! Но зато у меня есть какой-то шанс оказаться кому-то когда-то нужным. Если бы не всё это, что происходит вокруг. Уже не переждать, не пережить. Время субстанция объективная.

Ладно. Вот такой он, Артём. Тёма, Тёмик, как они его называют. А я вот подумал: приеду к ним, как этого мальчика называть? Тёмик? Попытался представить себя на его месте: появился какой-то незнакомый старик, папа его папой называет. Мне сказали, что это мой дед, дедушка. Дед Юра. Но у меня есть другой дед Юра, он часто в гости приезжает, подарки дарит, я его люблю. А это кто? И почему он меня зовет так, как мои родные меня называют. Да, я понимаю. Но как-то неуютно от этого... Береги их, сын. Это я к Олегу, папа. Понятно, говоришь? Разумеется, понятно.

А вот еще одно фото. Прямо над Тёмой. Помнишь? Это мы с тобой в Алексине. Ты в парадном кителе. Старший лейтенант, по-моему. Или капитан? Капитан? Плохо видно. С академическим ромбом. Фото переснято с маленькой и не очень четкой фотографии. Ты обнял меня левой рукой. Мне здесь примерно столько же, сколько Артему, года три-четыре – нынче дети развиваются быстрее. В общем, было это больше семидесяти лет назад. Семьдесят лет, а, папа!.. Ты знаешь, а я узнал этот свой темно-синий в тонкую белую полоску костюмчик. Помню, как неудобно пристегивались пуговицами штанишки к блузке. На резинке было бы куда удобнее. В руке у меня гроздь винограда. Я много лет думал, что это виноград. Как-то в Титане вы купили немного зеленого винограда, и я его попробовал. В Титане? Или в Шонгуе? Почему-то это ассоциируется у меня с неярким солнечным северным днём, какой-то потемневший деревянный дом с высоким крыльцом-входом... Там на севере крыльцо всегда высокое. А то заметёт. Кто откапывать будет? ...То был магазин? Или это совсем по другому случаю? Кто теперь скажет?.. Виноград. Мелкий, чудовищно кислый, твердый – таким он запомнился. Совсем другое дело, как будто из другого мира был

виноград в Каршах, куда мы переехали в 61-м, так ведь? Сладкий, огромный, сочный... С косточками, без косточек... Бычий глаз, Дамские пальчики, кишмиш... В общем, тот виноград и этот виноград остались самостоятельными образцами, друг с другом не связанными. К чему это я? А, насчет грозди винограда у меня в руке. По-моему, тогда при съемке было произнесено слово виноград. Сейчас, однако, есть у меня сомнение. Не смородина ли это? А может, вовсе муляж? Хотя это было наверняка летом. Зачем летом муляж? Мне почему-то кажется, что я даже помню сам момент съемки. Хотя какое это имеет значение. Что я помню наверняка – это твою руку, папа. А ты помнишь? Конечно, помнишь, мой родной.

А теперь загляни в глаза этому маленькому златокудрому – да-да, я был тогда кудрявым блондином, почти альбиносом – мальчику, которого ты обнял, и этому, твоему правнуку, залегшему в сугробе. Как же они похожи, а, папа! А знаешь, почему? Они Белиловские. И все твои сомнения, упреки самому себе – я же прочитал всё это в твоих воспоминаниях – какое это великое откровение для меня, родной мой! Упреки, что ты вовлек любимую женщину в суровую кочевую жизнь жены офицера. И не только это... Они абсолютно ни к чему. Вот ответ: эти глаза.

А на этом фото много Белиловских! Тот самый апрель 18-го, когда Олег с семейством прилетел ко мне. Здесь мы в Акко. Олег взял в прокат очень приличное авто, так что проблем с передвижением не было. А жили они у меня. Я тогда к их приезду на скорую руку купил пару надувных матрасов, понадобился, правда, только один – для Олега. Они с Иваном – вот этот юноша на фото, здесь он, пожалуй, в восьмом классе – разместились в комнате Бориса – я покажу, а Оксана с девочками в моей спальне, вот здесь. Они все миниатюрные, им этой двуспальной кровати хватило. Не думаю, что суперудобно, но приемлемо. Не очень привередливые, хотя квартира их московская, конечно... А дача! Я ведь там побывал... В общем, на несколько дней все здесь разместились. Потом они укатили в Эйлат. Там Олег, по-моему, снял гостевой домик. Или это было в другой приезд?.. Но это там. А здесь... Здесь они жили у меня. С каким удовольствием я готовил для них индюшатину, папа! И уплетали ее мои родные за обе щеки. Я рад и горд. Но я отвлекся.

Вот твой внук. Старший внук. Силен. Здоров, тьфу-тьфу. Уверен в себе. Уверен - это не от меня. И слава богу. Как относится ко мне? С пониманием, мне кажется. Большого я требовать не могу. Нет, не так: на большее я надеяться не могу. Хотел бы, но трезво всё взвешиваю и оцениваю. Не на счетах, конечно, нет. Я сам себе измеритель возможной оценки меня моими сыновьями. И оценка эта, увы... Наверное именно поэтому не могу я бросить всё и перебраться к Олегу. Да он как-то не очень определенно и приглашает-то. И, думаю, он прав. А вдруг

конфликт? Я ведь человек не очень контактный. И что? Куда мне податься? Нет, не так: куда меня деть? Ладно. Что есть, как говорят здесь. Правда, папа?

А рядом с внуком твой правнук, Иван. Вот этот, слева от Олега. Мы с ним здесь в Акко обсудили одну техническую задачу. Проходили под аркой, сложенной из каменных блоков, я спросил его что-то по поводу сил – а их там две всего: гравитация и трение, которые удерживают арочную кладку. Он ненадолго ушел в себя, потом обстоятельно разложил всё на элементы и собрал всё в систему. Ну да, он относился ко мне тогда с определенным почтением – ученый, доцент – и осторожностью – малознакомый дед, но это практически никак не сказалось на его объяснении, толковом и законченном. Я с ним немного подискутировал для порядка, он одолел и это. Ты знаешь, папа, я был горд. И, как выясняется теперь, очень даже обоснованно. Сейчас он в Физтехе. Помнишь, папа, я боялся даже подумать об этом – Физтех. Савельев, сборник задач по математике для поступающих, казался верхом совершенства. Почти недостижимым. Сейчас-то, к концу жизни, знаю наверняка, что превосходил по потенциалу большую часть его питомцев. Но что в этом толку?.. А Иван... Я запретил себе общаться с ним – причина понятна, она не в нас. Это боль. Тяжелая. Но ведь не обо мне речь, правда, папа? Пусть ничто ему не мешает. Я разговаривал с Иваном, когда он был на первом курсе. Тогда еще было можно. Опасаюсь всеу произносить это слово, но у меня устойчивое ощущение, что у парня все задатки большого ученого. Ограничусь этим определением. Поживем-увидим. Могу же я позволить себе надеяться увидеть, а, папа?

Эта славная девочка в шляпке, это Дарья. Старшая твоя правнучка. Здесь ей, пожалуй, девять. Ну без малого. Принцесса. И она об этом знает. Ты посмотри ей в глаза. Уверена в себе. Очень увлекающаяся натура. Это моя оценка. И очень женщина. Во всем. Вот здесь, смотри, вот в телефоне, она нынешняя. Пятнадцать лет, первое сентября. Ты посмотри на нее, папа! Дай бог ей счастья. А вот эта - с пиратской повязкой на голове, как у старика Бальтазара, а? – это Арина. Ариша. Младшая правнучка. Мы с ней за руки держимся, видишь. Она ко мне очень с доверием отнеслась. А ведь мы здесь впервые увидели друг друга вживую. Помоему так. А вот ее фото в самолете, когда они уже улетали обратно. Сейчас найду в телефоне. Ты посмотри, какая она красавица! Не кукла, очень человек, красавица.

Ну а там, позади Ариши, это я, твой сын, папа. Рубаха замечательная, правда? Гавайка. Олег свою подарил. Оксана ему подсказала. А Оксаны здесь нет, это она нас фотографирует. Я не знаю, как она ко мне относится. Как-то на эту тему ни с того ни с сего начинать разговор... Я думаю, сдержанно относится. Это всех устраивает. А я к ней? Я к ней отношусь с огромным уважением. Вот эти ребята, мои внуки – это ее заслуга. Они все очень цельные, доброжелательные и,

что важно, не избалованные совсем. Как-то всё очень правильно сбалансировано в этой семье. И это главное.

Да, вот ещё: когда они жили у меня в этот приезд, как-то собралась с девочками Оксана в небольшой парк с детской площадкой – это вон там, прямо напротив моего дома. Олег с Иваном с утра отправились на короткую рыбалку – после обеда они уезжали в Эйлат. Или в аэропорт – уже подзабыл. На рыбалку – это на систему каналов в деревне Массарик километрах в пятнадцати к северу. Как они нашли эти каналы? Отдельная история, расскажу... Так вот, когда я вышел проведать, как там мои девушки – мама и две ее дочки, то обнаружил небольшое скопление разноязыких и разноцветных – вариантов здесь уйма – детей вокруг моих внушек. Девочки что-то им рассказывали, кто-то что-то, может быть, переводил, хотя нужды в этом никакой не было. Магниты. Спокойные, по-детски, конечно, уверенные в себе, не крикливые – здесь это большая редкость. И Оксана в сторонке. Господи, какие же они!..

И ты знаешь, я обнаружил, когда они уехали, вот этот листок. Вот он. В клеточку. На таких здесь школьники пишут. Не в тетрадях, а на листках, которые можно сшить в тетрадь. Вот, видишь, дырки для этого по полю. Здесь какие-то упражнения по арифметике. Карандашом. Даша занималась. Думаю, Оксана ей сказала, распорядилась. А ниже тем же карандашом написано трогательное и, по-видимому, сокровенное: «В меня влюбился Вилен Ваня Никита и Лёня. И моя Мама». Прописи. Сколько ей здесь? Скоро девять, пожалуй. Я ей отправил снимок с этого листа к пятнадцатилетию, недавно. Получил в ответ сердечко. Что значит сердечко? Эмодзи – картинка, выражающая эмоцию. Сердечко – это «люблю». Скорее «тронуло». Удобно, правда? Палец вверх, палец вниз, рожица с улыбкой, рожица унылая... Ку! Кин-дза-дза. Кто это? Неважно.

А вот этого упитанного мальчугана на следующем фото ты конечно узнал. Даже не верится, что это было когда-то. Титан, я думаю. Значит, 55..56..57-й. Это я. Кепка, серенькая. Я ее наверняка помню. Правда сейчас уже невозможно оценить, помню или узнал и решил, что помню. Но мне кажется, что я ощущаю ее в руке перед тем, как надеть на голову. Козырек... немного присобрать ее верх вперед. Не так, как тогдашние местные пацаны – оттянуть назад. Нет, так, чтобы порядок был. Хотя... Вот тот цветок в руке – это что-то из породы вьюнов. Были они белые, кремовые – или нет?.. розоватые. А раз вьюн, значит это Алексин. На севере таких цветов не было. А тогда, может быть, это и чуть попозже. Вплоть до шестидесят первого, когда я был в Алексине последний раз. В той жизни последний раз. Когда это было, а, папа? В шестидесят первом мне было уже двенадцать. Пожалуй, здесь я выгляжу помоложе. Ха-ха. Да и было ли в Алексине летом так прохладно, чтобы одеваться тепло? Вот черт! До сих пор был уверен, что это Титан. А теперь засомневался. И ведь интересно: когда-то это было

конкретное место, конкретное время, конкретное событие. А теперь - всё. Никто и никогда не сможет сказать наверняка. Никто и никогда. А что изменилось бы, знай я сейчас наверняка? И ничего – ведь действительно ничего, и всё – одним нерешенным вопросом в моей голове – или душе? – стало бы меньше. Если от бесконечности отнять единицу, то останется бесконечность. Но на единицу меньшая, чем та исходная бесконечность. Это важно? В арифметике в общем случае нет. В жизни... Для перфекциониста, то есть для меня, абсолютно важно. А что еще важнее: самый младший на сегодня Белиловский, тот самый трехлетний мальчик, приветливо улыбающийся нам из сугроба, твой правнук Артём, он чертовски похож на этого упитанного меня в кепке с вьюнком в руке. Всё, как я сказал, а, пап?

Ну а вот здесь две девочки. Посмотри на них, папа. Это дочки твоего старшего внука, мои внучки, твои правнучки, Даша и Арина. Это тоже восемнадцатый год. Август. Отдельная история. Собрался я всё-таки к Олегу в гости. Почему всё-таки? Очень тяжел стал на подъем. Не то чтобы тяжело перемещаться, нет. Переход границы для меня – это минус год жизни. Так сложилось. Уж и Олег говорит, что сейчас всё по-другому, не то, что прежде. С чего бы? Это в крови уже. Ну да ладно, я не об этом. Так вот, тем летом собрался я к Олегу. Добрался, понятно, без проблем. Только на учет очень нервно становился. Руки тряслись, Оксана за меня в конце концов анкету заполнила. Но и не это, пожалуй, самое тяжелое. Дело в том, что приехав, я сразу начинаю готовиться к расставанию, а это очень болезненно. Потому, наверное, и тяжел на подъем. Но Артема надо бы повидать. А им сюда точно лететь не нужно.

...Да, так вот, добрался. А на следующий день поехали мы всей оравой к Олегу на дачу. Это в сторону Павлова Посада примерно на границе Московской и Владимирской областей. Роскошный двухэтажный деревянный дом в недлинном ряду таких же домов. Большой двор, тыльной стороной выходящий в лес. Такой небольшой коттеджный поселок. Для обеспеченных людей. Пруд. Всё это окружено лесами. Где-то там, далеко, несколько местных деревень. В общем, после Израиля, к которому я вынужденно привык, на это невозможно наглядеться и этим воздухом невозможно надышаться. А девочки мои замечательные здесь на фото – это я вышел с ними прогуляться по тому поселку. Тихо, солнечно, не жарко. Ты бы знал, мой хороший, как я сразу впал в недостижимое алексинское детство! И только постоянно нарастающая тревога: скоро обратно в этот тесный, шумный, жаркий и неинтересный мир. Три десятка лет: галдяще, шумно, жарко, неинтересно, безысходно... Не могу... Заносит и заносит. Чего уж теперь, как прожил, так и прожил. По-другому было бы лучше? Вряд ли. Жизнь – она внутри, а обстоятельства снаружи. И связи между ними скорее всего никакой нет. Обратное

не доказано и недоказуемо. Так, обывательское: ветер дует, потому что деревья качаются...

А девочки – ты посмотри на них. Ну да, они непосредственны по-детски: еще минуточку... дай вон тот цветочек... Но это же и есть счастье. Жизнь рядом, можно за руку подержать, можно поцеловать, можно уловить детский поцелуй на своей щеке. Счастье... Ты знаешь, папа, прошелся я там по окрестностям: не очень густой сосновый с лиственными вкраплениями лес, проселочная дорога, по которой – я это представил – так здорово было бы проехать на нашем замечательном «кофе с молоком» М-72. Я вдруг почувствовал в своих руках этот широкий и великоватый мне, ребенку, руль с удобными пупырчатыми резиновыми ручками. Теперь их, кажется, грипами называют. Услышал такой ровный рокот четырехтактного двухцилиндрового двигателя... Заплакал. Слаб стал. Да... А еще нашел там речушку, неширокую, медленную, но явно текущую. Вот смотри, в компьютере есть минутное видео. Посмотри. Ничего не происходит, только вода тихо-тихо течет, водоросли чуть колыхнутся вслед за течением... А вот лягушка квакнула, слышишь? Не медуза, не тварь средиземноморская. Лягушка. Как я мог не заплакать?..

Тогда в предпоследний день Олег вдруг сказал мне: «Поехали. Ты хотел в Алексин. Поехали». И мы поехали. Ты помнишь, папа, как мы с тобой ехали через Москву из Алексина в Бугульму? Мне было так здорово в коляске! Москва! Светофоры, широкие улицы!.. Шестьдесят первый, по-моему. Я только сейчас понял, как тебе было непросто. Я бы не смог. Мы с Олегом проехали по Москве где-то с края. На его могучем джипе Акура это выглядело довольно легко. А потом мы выехали на Симферопольское шоссе. Сколько раз в детстве довелось мне – нам, конечно – проехать здесь на автобусе. Как же это было здорово тогда! И как же защемило сердце, когда мы подъехали к мосту с табличкой «р. Ока» и миновали его. Ты знаешь, папа, Ока осталась такой же широкой, какой была во времена моего далекого детства. Вроде бы должна была уменьшиться, помнишь, «Когда деревья были большие». Нет, такая же широкая. Я даже чуть отвернулся от Олега, чтобы он не заметил слезу. Думаю, заметил. А потом – Железня. Абсолютно волшебное слово! Оно всегда означало, что еще чуть-чуть, еще каких-то двадцать пять километров – и мы в сказке, у бабули Лены и деды Володи. Я пытался восстановить в памяти те образы, которые складывались у меня, когда мы проезжали здесь когда-то на автобусе, обычно ГАЗ-651 с той самой замечательной рычажной ручкой пассажирской двери, конкретно ничего не получилось, а в целом ощущение было стопроцентно тем самым, из детства.

Теперь время сказать о том, что я хотел увидеть и сделать в Алексине. Помнишь, ты писал в своих воспоминаниях?.. Сейчас прочитаю: «...Кажется, в 1985 году я был в Алексине и конечно ходил на кладбище: Какие-то мерзавцы

ударил бутылкой по папиной фотографии на памятной плите (еще осколки бутылки валялись). А в сентябре 97 года Костя мне написал, что отвалилась вся плита с фотографией и надписью. А в этом году написал, что и сам памятник сильно покосился. Наверное это можно и восстановить, но Косте самому близко к восьмидесяти и он часто болеет, а потом для него это неподъемно и в материальном плане. Если дотяну и смогу попасть в Алексин, попытаюсь исправить...» Вот это я и хотел сделать, папа. Не из-за того, что чувствую висящий долг. Эти долги неоплатные. Просто повзрослел. Окончательно. И уже когда мы повернули от Железни к Алексину, я вдруг сообразил, что не знаю, где искать могилу моего дорогого деда Володи. Я же там не был никогда.

Тут должен пояснить, что задолго до этого по переписке (а в Тель Авиве как-то встретились и вживую) с Сергеем. Он был тогда главным редактором одной из Алексинских газет. И как-то раз прислал мне фото этой самой могилы с покосившейся стелой, прислоненной к оградке. У них там субботник был. Вот ему-то я и позвонил с дороги. Хорошая штука мобильный телефон, правда? Мы встретились у старого Троицкого кладбища. Сергей показал мне место. Всё так и есть: заросшая могилка, старая ржавая оградка, покосившаяся прислоненная к оградке стела... Вот, посмотри на фото. Не плачь, мой хороший. А, это я?..

Олег – он человек дела. Нашел поблизости контору, договорился, что те сделают новую стелу. А потом случилось чудо! Я видимо проговорился вслух, что где-то здесь то самое место, тот самый замечательный дом, куда мы приезжали «в отпуск», где ждали нас бабуля Лена и дед Володя... Сергей позвонил куда-то: «Володя, мы сейчас подъедем с гостем, я звонил тебе об этом полчаса назад...»

Мы подъехали, это рядом. Там всё рядом, старый Алексин невелик. Это в детстве он казался мне огромным после малюсеньких приполярных Титанов, Шонгуев, Зашейков... К нам вышел... дядя Костя, только сильно располневший. Володя Ефремов, Владимир Константинович, младший брат моего алексинского друга детства Женьки Ефремова. Я его видел в шестьдесят первом на руках у тети Клавды, он тогда только-только народился. Мы обнялись. Он знал обо мне, Женя рассказывал.

- «А Женя скончался полгода назад. Залечили».

- «Светлая память. Мне Сергей сказал».

- «А вот посмотри направо...»

...Я его сразу узнал. Тот самый дом. Только ворота теперь были железные. И заросли лопухами по самое-самое. Видимо, служил теперь какую-то

хозяйственную службу, потому что за ним, там, где раньше был огород, стоял очень приличный двухэтажный особняк. Но он был жив! Папа, ты представляешь?! Тот самый наш дом. Вот я тебе покажу фотографию. Их много, фотографий. Ты знаешь, папа, я там совсем прослезился. Хотя при сыне, да и двух здоровых посторонних (ой ли?) мужиках, это было, пожалуй, некстати. Не удержался. А поляна, где мы играли с соседскими Косаревскими в чижика, теперь застроена особняками. Но не очень. Там дальше овраг, помнишь, а за ним начинается бор. Если по нему долго идти, то можно выйти на тот самый наш берег Оки. А больничный комплекс, который был когда-то довольно далеко по направлению к дому дяди Кости, оказался совсем рядом. Всё-таки эффект «когда деревья были большие» местами работает. Поклонился я нашему дому. Сказал «Здравствуй». Сказал «Прощай», хотя так хотел сказать «До свидания»...

И да, на следующий год я еще раз навестил Олега, после этого не был, слишком много плохих событий произошло потом, да ты знаешь, я тебе рассказывал. А как хотел бы!.. Даже начал присматривать в бору в Алексине какой-нибудь пансионат, дом отдыха, санаторий... Куда там! Ладно... Вот фото. Видишь, новая стела. Она чуть-чуть другая, но написано на ней то же самое: «Ох! Если бы ты мог понять, как тяжко мне одной. Скрбящие жена, дети и внуки». По моему, вполне пристойно. Старую стелу оставил там. Может, и не канонически, но... Пусть будет так. Мы с Олегом прибрали могилу и покрасили оградку. Как же там всё заросло! И как же там покойно... И ты знаешь, папа, когда мы ехали обратно, Олег сказал мне: «Хорошо, что мы побывали здесь. Я сейчас понял, что мы одна семья, мы родные». Не дословно, но смысл такой. Эти слова разом оправдали всю мою жизнь. Вот тут я действительно поплыл. Надеюсь, Олег не заметил. Он, как мне кажется, не очень сентиментален. Оно и к лучшему, если так. Я ведь его не очень хорошо знаю. Страшная мысль, а, папа? А Борис скажет такое когда-нибудь? Время уходит. Прости, папа. Я о своих болячках. Болят, ссуки!

В общем, вот. Маленькое фото, такое дорогое: две мои внучки, две твои правнучки... А так много воспоминаний.

А вот здесь, посмотри, на этой стене, я ее вижу, когда просыпаюсь. Ну если не очень болит что-нибудь или не судороги – такое бывает. Здесь в рамках детские творения Бориса, твоего младшего внука. Вот здесь с левого края три стандартные фигуры – палка, палка, огуречик – вот и вышел человечек. Пояснения к ним нестандартные: АМАМ, АПАП, Я. Издержки альтернативы «иврит-русский» да еще левой рукой. Не так-то просто. Родной мой сын. Сынёнок...

А это он учился работать с картинкой, редактировать ее на компьютере. Взял готовый розовый закат и написал там мой возраст: 55. Это подарок ко дню рождения. Когда? Два с лишним десятка лет назад, 2004. Это я, видимо, из Казахстана на побывку приезжал. Потом, правда, сын засомневался: очень уж, мол, на SS смахивает. Я попросил его оставить. Мы-то знаем...

Здесь Борис просто писал, что чувствовал. А чувствовал он очень мне дорогое: «Папа и Олег самые хорошие в мире». А потом спустился на землю и дописал в углу: «Олег пора фтавать». Это когда Олег первый раз приезжал к нам погостить. 97-й? 98-й? Как же Борис был счастлив и горд, что у него вдруг есть старший брат! Ирина заметила. Не сумел я это оценить. Единственный шанс был. Больше нет. А я и не скажу теперь, были у меня в детстве переживания по поводу того, что нет у меня старшего брата. А, папа? Ну раз не помню, наверное не было особо. Ну вот у Люси Копаневой был брат Володя. И что? Хотя она девочка. А старший брат у девочки и старший брат у мальчика, пожалуй, это не одно и то же. В общем, не помню. А был ли я для Вити? Как на духу?.. От случая к случаю. Надо быть честным.

А вот это... Боря был у меня в гостях на работе. Это когда я в Технионе на стипендии Шапиро работал. Сидел он за моим столом напротив меня и что-то писал большими буквами на листе бумаги. Старательно. Получилось вот это. Моя икона. Можно я прочитаю, что написал тогда по этому поводу, а, папа? Давно не читал. А когда вижу, вспоминаю все свои тогдашние переживания. И знаешь, от сегодняшних они не отличаются. Совсем. А четверть века прошло. Всего лишь. Как мгновение. Последнее. «Как пули у виска», да?

В кабинете моём в два окошка на запад
на панельной стене у меня за спиной
на листочке случайном написано «папа»
неокрепшей рукой, бесконечно родной.
Нарисованы буквы неровно и криво,
первый «па» доминантой и длинный пробел.
Получилось как есть, получилось красиво,
и я знаю, он выразил то, что хотел.
Он доверчив и честен, он склонен к сомненьям,
он упрям и раним, но умеет прощать.

Я ценю его дружбу, моей отраженье,
и надеюсь и верю, смогу оправдать.
Сын, кровинка моя, ясноглазое чудо,
мне ладошки свои на глаза положи,
я тревогу и боль на минуту забуду,
ты мне нужен сейчас, задержись, не спеши.
Просто белый листок, просто буквы, два слога
осторожно и робко, один за другим,
будто мальчик чуть слышно шепнул это слово,
будто детские губы прижались к моим.

Таким увидел я сына тогда, таким я его вижу сейчас. Хотя и знаю, что он не такой. Проверено временем. Но так хочется вымолить перед этой моей иконой: пусть спадет страшное колдовство, и явится сын, открытый, доброжелательный, любящий... Не спадает. Молитва не та? Я не тот? Там наверху не слышат?..

В маленькой рамке – узнаёшь? Вижу, что узнаёшь. Борькин носочек. Разрезанный хирургом. После той страшной, безысходной катастрофы... Нет, не могу. Прости, папа. Не плачь. Я поплачу немного – и всё. А потом помолюсь, помяну в молитве того ортопеда Сани, так кажется, звали араба, который собирал и стыковал всё это... Собрал. Тьфу-тьфу... Дай Бог тебе, Сани...

Пойдем в Борькину комнату. Это вот здесь. Если быстрым шагом, то... Нет, быстрым шагом не получится. Три метра быстрым шагом – не разогнаться, пожалуй. Хе-хе... Борькина комната... Ты знаешь, папа, я ему недавно написал, был повод: «Будут проблемы, твоя комната всегда за тобой, жду». Написал... Мы уже года три... или четыре?.. В общем, годы не разговаривали «в четыре глаза». Да и вообще не разговаривали. Что случилось, я не знаю. Хотя, может быть, и знаю. Не сейчас, ладно? Болит и болит. И ничего кроме этой боли я уже давно не испытываю. Ирина пишет, что ей он иногда отвечает. Мне – никогда. Хотя нет, как-то раз... О чем я говорю, папа!.. Сын... как-то раз... За несколько лет... Прости, папа.

Что это за картина на стене над его кроватью? Да-да, это его кровать. Люба когда-то купила, когда была в гостях у Ирины здесь. Я тогда был в Казахстане. Это копия с фото. Борис был в Норвегии, это оттуда. Была у него девушка,

местная. Ли. Это она нарисовала. Или написала, как правильно?.. И ему подарила. Ну а я развесил здесь фотографии, а для картины нашел вот здесь место. По-моему симпатично. Там еще флаг норвежский под картиной. Ты знаешь, как-то неожиданно сын полюбил Норвегию. Странно: родился в Казахстане, жизнь от года и до сегодня прожил в Израиле. С несчастными выездами в Европу – это когда он с Ириной в Германию к Любе и Валентину летал. Тетка Ирины и ее муж, помнишь? И вот на тебе, Норвегия. Думаю, это генетическое. Я тоже тоскую по Шонгую. А это та же Норвегия, только по эту сторону границы. Детство... А вот недавно он был в Финляндии. Написал – написал вдруг, что Финляндия ему тоже очень понравилось. Да я тебе рассказывал уже, по-моему. Вот он на фото – это заставка к его страничке в Вацапе. На фото он тянется за брусникой. Или голубикой? Будет случай, спрошу. А я сразу увидел наш замечательный Шонгуй... Да-да, замечательный! Он же из моего детства. Брусника, черника, голубика... А морошка!.. Или морошка это в Титане? Какая разница! Вот он тянется за брусникой, а как будто я тянусь. Только лет на двадцать с лишним моложе, чем он на этом фото. Тридцать два ему здесь. Тридцать два... А комната... Будут проблемы, тьфу-тьфу, пусть живет. Я вытяну. Ты бы вытянул меня, я знаю, мой родной. И я вытяну.

Вот фотография. Узнаешь? Это мы перед отъездом сюда. Алма-Ата. Мне сорок четыре. Бедовый возраст, а? Как выяснилось. Очки эти роговые... Доставал же где-то. И линзы к ним нужны были большие. Еще и потому, что межцентровое расстояние у оправы всегда было больше, чем мне нужно. Приходилось перецентрировать. А свитерок этот серенький с черным. Из какой-то модной синтетики. Тогда всё это считалось японским. Я его помню. Уже здесь выкинул. Хотя если честно, здесь в одежных магазинах и вовсе дрянь продают. И никакой альтернативы: «Трусы в горошек, нет – так засмеют...» Это самоцитирование. Когда сочинял, ощущения были острыми. Теперь привык. Не засмеют. Просто никто внимания не обратит. Хоть вовсе без. А вот сорочку эту светлую в почти невесомую крупную серую клетку я, кажется, и сейчас кожей помню. Ну да ладно. Это всё мелочи. Главное – это чудо на руках у меня. Борис. Еще и не годовалый даже. Посмотри, какой у него удивленный взгляд! Совсем он был плохонький тогда: худой, пищеварение ни к черту. Что, собственно, и послужило если не причиной, то последним толчком к принятию решения об эмиграции. Ты помнишь, папа? Каким я вернулся тогда из этой месячной стажировки – какая там к черту стажировка! – в Германию? Мрачная серая Москва. Голодная Алма-Ата. И спокойная сытая Германия. А ведь то была бывшая ГДР. Как же там было мирно и покойно по вечерам! Как в сказках Гримм. А этот жуткий серый зал отлета в Домодедово – это уже на обратном пути – и Горбачев в телевизоре под серым картонным в дырочку потолком!.. Отрекался. Это тоже сказалось. Но главное – муковисцидоз у сына. «...Только в Израиле смогут помочь», - это от Тамары

Ривинной. Какой был выбор? Полетели. Крылышками бяк-бяк-бяк. Слава богу, у сына всё обошлось. «...Как ты сказал? Муковис... Как? Две руки есть? Есть. Две ноги? Есть. Голова. И вон, видишь – мальчик. Ну да, желудок неважный. Со сладким осторожнее. Всё в порядке», - это медик по-русски после томографии, которую мы впервые живьем в Иерусалиме увидели, сказал. И добавил: «...Пусть будет здоров». И мы с Ириной только помолились про себя, кто как умел на тот момент: «Дай бог». И как же мне было страшно там, в Иерусалиме, папа! Этот страх не прошел до сих пор. Он навсегда. И через него, через всё это бестолковое и ненужное я пытался выкарабкаться. Неумело и бестолково. На автопилоте: НАДО! Пытался, папа. Не выкарабкался... Ладно, оставим, да?

Вот такие мысли у меня, когда я смотрю на эту фотографию. Почему она здесь? Ты знаешь, папа, по ощущениям. Да и где ей быть? Сын. Ну а с другой стороны, места больше-то и нет. Маленькая квартирка оказалась. Метров шестьдесят, чуть меньше. Да я уже говорил тебе. Для одного, правда, великовата. Еще когда с котом Василием жили вместе, как-то плечо друга лучше чувствовалось. А сейчас только фото, фото, фото. Но зато какие!

Борис в красной футболке, это десятый год, я думаю. Он тогда в армию призывался. Я как раз прилетел и мы с Ириной проводили его в учебку. Вот несколько фотографий, посмотри здесь, в компьютере. Это мы его на автовокзале провожаем. Выглядел растерянным. А что я мог ему сказать? Сам не служил, армию ненавижу. Любую. Как институт. Хотя здесь без нее, понятно, не прожить. К этой отношусь с уважением. По необходимости. ...Мы с Ирой держались. Потом он приходил на побывку уже в форме – вот, видишь. Смешной и трогательный мальчик. Это фото на стене как раз из тех времен. Посмотри, папа, здесь он с теплотой смотрит на меня, по-родному. Последний раз смотрит с теплотой и по-родному. Пятнадцать лет скоро... А еще чуть-чуть, и вовсе... А потом у него начались проблемы в армии. Да я рассказывал тебе. Потом его комиссовали и у него началась депрессия. Для меня депрессия – это слово, я так думаю. Хотя не исключаю, что я в ней просто живу, потому и не воспринимаю как что-то конкретное. Но депрессия у сына, маленького и беззащитного... Ирина в панике позвонила мне в Казахстан, я собрался на скорую руку и вернулся. Вернулся... Ты знаешь, иногда возникает ощущение, что вернулся. Это когда из самолета в Бен Гурион вхожу, прохожу паспортный контроль, иду к поезду, захожу в вагон... А потом... И там я не дома. Чувствую, что уже не дома. И здесь я не дома. Ну да, знаю, что вот оно последнее прибежище, ласт ресорт. Знать-то знаю, а чувства дома нет. Да и откуда оно появится?.. Помнишь?..

...Блажен еврей, который убежден.

Я, как и он, хотя по-своему, уверен:

Или загнуться там, где был рожден,

Или родиться там, где дуба дать намерен...

...Тогда еще у меня ощущения были острыми и поддающимися вокальной обработке. Да... Не надо было уезжать отсюда в девяносто девятом, не надо. Оттуда родом все беды. Хотя не факт, что не нашлось бы другого триггера, останься я здесь. А сигнал был очень внятный. Когда я улетаю во второй раз в ноль-третьем году, долетел до Домодедово (или Шереметьево?), сразу зазвонил телефон в кармане, карточный еще, и я услышал, как плачет Ирина: «...Почему ты улетаешь?! Зачем ты улетаешь?! Я чувствую, что это конец. Вернись!..» Я, как мог, словами успокоил ее и вернулся через семь с лишним лет. Когда было уже поздно. Вот о чем это фото с этим замечательным мальчиком, нет, юношей, в красной футболке. И глаза, глядящие с теплотой. В последний раз... Прости, папа, больно. Наверно, если сразу умереть, то ничего. Как проверить? А тянуть, тянуть, тянуть безысходное...

Ну, ладно. А вот здесь мы втроем: ты, Боря, я. Два Бориса и Юра. Три поколения Белиловских. Ты знаешь, я не помню, где это? Понятно, что у нас. Вон диван. Вот он, кстати. Там он еще сравнительно новый. А здесь... Выбросить бы. Но потом нужно новый покупать. Ты знаешь, папа, я заметил за собой такое: оцениваю вещь – одежду, обувь, даже мебель – по единственному признаку: переживет она меня или нет. И в соответствии с этим решаю, стоит ли подумать о приобретении новой. В смысле, что если переживет, то вопрос о приобретении не возникает вовсе. Не смешно, правда? Но я не нарочно, как-то само собой получается. Посмотри, папа, Борис на этом фото выглядит вполне доброжелательным. И к тебе тянется. Хотя ты в своей книге обижаешься, что он иногда к тебе не очень хорошо относится... Папа, это не он. Это из-за меня он никому не доверяет. Я сейчас это чувствую и, кажется – да что там, кажется! – понимаю причину. Я здесь не просто не нашел себя, я здесь сразу и навсегда потерял себя. Иначе и быть не могло, чужое всё. Как в том фильме с Шварценеггером, смотрел? Чужое не как сосед или его никчемная собака бывают чужими, а как у Уэллса – чужая вселенная. Это только аннигилировать. Что такое аннигилировать? Это из физики, папа. Распылить. Но не в пыль. И даже не в молекулы, молекула всё-таки самая мелкая частица того, что было. Можно собрать при желании. В атомы. Разатомить. Это уже навсегда.... Увлёкся. Что с этим поделаешь? Ни-че-го. Но сын-то это почувствовал сразу. Не то, что я потерял себя, а то, что у него отца нет. Да похоже, и матери тоже. Вернется, а? Ирина, может быть, дождется. Пусть хоть ей повезет.

На фото ты с палочкой. Как бы мне не пришлось вскорости палочкой обзаводиться. А здесь я на побывку приехал из Казахстана. Это я по рубахе

узнал. Купил ее в спортивном магазине возле ЦУМа на Пастера. Она теперь улицей Макатаева называется. Ходят трамваи или нет, не знаю. Прежде ходили. Борька здесь хороший. Кудрявый. А ты подустал. Но рад ведь, что мы втроем, трое Белиловских. Ирина тоже здесь, конечно. Это она фотографирует. Ах, Ирина-Ирина... Перед ней-то я сразу виноват. Как она хотела свадебное платье!.. А мне это виделось совсем неуместным. Это я о себе, дважды разведенном, думал. Продавил. Это я могу. Мог. О себе подумать... На-хре-на?!!

А вот здесь, смотри, папа! Этот очень пожилой мужчина и два молодых парня по обе стороны. Это ты. Мужчина. Солдат. А рядом два твои внука, Олег и Борис. Это девятый год. Две тысячи девятый, конечно. Откуда я знаю? Знаю, папа. Это тот самый год, когда я улетал в Казахстан на работу и заскочил к тебе уже после прощания, просто так. Я рассказывал уже, вспомнил? Здесь вы рядом с твоим хостелем. Олег тогда приехал погостить и они с Борисом зашли к тебе. Хорошо, правда ведь? А мне эта фотография дорога по-особому. Вон в соседней комнате фото, где я вместе с сыновьями. Этими самыми, Олегом и Борисом. Посмотри, как эти фотографии похожи! А знаешь почему? Я – это ты. Так я себя ощущаю. Так я примеряю на себя всё, что со мной происходит.

Ну а эта – моя любимая-любимая! Это мы с Борисом в парке, да какой там парк – на лужайке на спуске к старому городу. Иерусалим. Гостиница «Президент» - обычная к тому моменту эмигрантская общага. А Морис – это управляющий (или хозяин?) Президента – говорил, что когда-то это был о-го-го какой отель! Да, лужайка в парке возле мельницы Монтефиори. Или Монтефиоре?.. Девяносто третий год. Меньше полугода в стране. Мне сорок четыре, сыну год с совсем небольшим. Стоял он еще не очень уверенно, всё время норовил соскользнуть в партер. Я, как мне казалось, начал приходить в себя. Скорее начал пытаться приходить: бегал круги на соседнем стадионе. На удивление убогом, надо сказать. Но дорожка беговая, условно гаревая, была. Ну а здесь мы вышли погулять втроем, Ирина нас и щелкнула. Кодаком, по-моему. Так я был восхищен этим черным пластмассовым аппаратом! А пленка! Чудо! Кодак настоящий, а не какая-то Свема. Удивительно, как быстро всё это потеряло всякий смысл, а, папа? И Свема, и Кодак. Да и фотографии эти, девяносто девять из ста. Или девятьсот девяносто девять из тысячи... Где мои детские фото?! Где мои фото с вами, папа и мама?! Где я!!!? Прости, мой хороший. Это я так. О своем, о детском... А мячик, что на фото, это я купил для сына со смыслом: весь мир перед тобой. Тогда в сознании случился разрыв. Издалека казалось: переберемся, начну пахать с нуля – это-то я умею, всё будет. Увы, нельзя рвать жизнь на две части. Одну придется забыть, а уж какую – первую или вторую – это как карта ляжет. Здесь, похоже, легла на ребро. Не в смысле И-И, а в смысле НЕ-НЕ. Но тогда я этого еще не знал

наверняка, хотя чувствовал нехорошее. А здесь рядом сын. И пусть ему будет хорошо. Затем и приехали. А, папа! Как тебе это фото? По-моему, сильно.

А вот здесь он сидит на скамейке на автобусной остановке. Помнишь ее? Ну-ка! Вон за его спиной – стенка там из оргстекла – тот самый комплекс: магазин, парикмахерская, клуб какой-то... Это же тот самый магазин, в который ты всегда за продуктами ходил из своего хостеля. Полсотни метров. Вон он внизу за спиной Бориса. Значит, твой хостель от него слева, ну если от нас сейчас смотреть. От него-то, от Бориса, по правую руку. Полсотни... Красивый парень, а? Это я тогда на побывку из Казахстана приехал. Перед отъездом мы с ним прогуляться вышли. Не помню, весна...осень. Прохладно. Вечер. Впрочем, там в углу пропечатано. Вечер. До чего техника дошла, а? Боря с Ирой жили тогда в неприятном месте: дом в яме прямо по диагонали в углу напротив твоего хостеля, через дорогу. Как выйдешь из хостеля – направо. Чем неприятное? Сверху на уровне крыши дорога, дом в углу в яме, кошки и запах соответствующий, сыро и затхло. Жили они на последнем этаже, пятом, что ли. В общем, как всё здесь, недочеловеческое какое-то. Прости, папа, раздражаюсь. А чего раздражаться? Жизнь. Как построил, так и вышло. Строили мы, строили... Помнишь Чебурашку? Это его замечательные слова. Или мысли вслух. А Боря здесь хорош, правда же? Ну вот. Сколько ему здесь? Лет четырнадцать? И спросить не у кого. Плохо, когда не у кого, да, папа?.. Родной мой. Родные мои...

Ну а здесь, посмотри, папа. Это ты, это совсем маленький Бориска, а это его бабушка, моя мама, твоя Тонечка. Это, наверное, девяносто пятый. Год, как вы приехали сюда. Прости меня, папа. Прости! Не надо было мне тогда даже намекать, как мне тяжело здесь. Дал слабину. Цена ее – сам знаешь... Это вы в Технионе, недалеко от моей лаборатории. Была там, да наверное и есть, русская поляна. Не знаю, ходили ли туда другие русские, но мы там бывали. И вы. Тебе здесь семьдесят один. Или семьдесят два?.. Ну, если девяносто пятый... В общем, ты моложе меня нынешнего. Глядишься молодцом. Борьке, стало быть, три с хвостиком. Маме семьдесят. Она совсем седая, но выглядит хорошо. Держится. И этот ее жест: правая рука к щеке, так она делала произвольно, когда возникало у нее легкое недоумение или какая-то похожая эмоция. Ты помнишь, папа? Да что я спрашиваю. Впрочем, сейчас она придерживает маленькую руку внука, он у тебя на руках и обнял бабушку за шею правой рукой. Ты, твой внук и твоя Тонечка. И еще два года до того, как закончилось всё и навсегда. Не плачь, родной, теперь это моя привилегия...

Что, всё? Думаешь, пора идти, а, папа? Ладно. Как скажешь. Была у меня когда-то такая присказка прилипчивая. Пошли. Только... Вот еще фотографии в салоне. Ты узнаешь? Конечно... Не плачь, мой родной. Это наша мама. Вот здесь вы с мамой друг напротив друга. Алма-Ата. Почему-то мне кажется... что-то

связанное с серебряной свадьбой. А? В твоих воспоминаниях есть чуть более официальная фотография, небольшое застолье. Так? Февраль семьдесят второго. Седьмое февраля. Я пятый курс оканчивал. Очень-очень смутные воспоминания, ассоциации. Да какая разница! Любовь. Не всем дано. А я вот до серебра, до двадцати пяти, так ни разу – диковато звучит, да? – и не добрался. Разводы, разводы... Два сына. Один к пятидесяти приближается, второй через тридцать давно перемахнул... И никого рядом. Никого. Какие уж тут серебряные двадцать пять? И не будет. И не было. И не вернуть... Смотрю на вас, а мысли о себе. Ты знаешь, я не о том, что жизнь не сложилась, что жаль... Точно не об этом. Я смотрю на вас и мне совестно. Нет, глаза я не опущу. Да, мне совестно смотреть вам в глаза, а не смотреть... Нельзя не смотреть.

Ты здесь в гражданском. Пуловер – у меня был точно такой же. Хотя, наверное, это джемпер: на пуговицах же. Болгарский, бежевый, правда на черно-белом фото этого, понятно, не видно. Ты помнишь его, папа? Всё-таки необычная для тебя одежда, а? Всегда в форме. Мама... короткая стрижка, я помню ее. Жакет на ней – это я совсем не помню. А вот рубашка... Мне кажется, что это моя. Или у нас одинаковые были? Тоже есть такой намек на воспоминание. Кто же теперь скажет? Штапель, гавайка с какими-то хаотичными полосами и вдруг пальмами... Мы еще шутили, что не хватает обезьян, висящих хвостами на лианах?... Такие внезапно подробные трогательные воспоминания. Вон на том фото, видишь, где я с сыновьями, я тоже в гавайке, Олег свою подарил. Она мне тогда эту рубашку напомнила. Не явно, так, на уровне ностальгических рефлексов. Она, кстати, тоже без обезьян. Нет на Гавайях обезьян. Ларри Эллисон есть, обезьян нет. Кто такой Ларри Эллисон? Мужик зажиточный. Еврей. Да бог с ним. ...А одежда ваша – это так, нюанс. Твой взгляд, как ты смотришь на маму, ее взгляд, как она смотрит на тебя – вот что... А ведь четверть века у вас позади. И сыновья уже взрослые... Не плачь, папа. Я же сказал: моя привилегия теперь.

Да, я ведь не просто так еще раз вернулся сюда, в салон, папа. Посмотри на эту фотографию. Учительница. Молодая, красивая. Правая рука под щеку... Задумалась. Это мама. Проверяет контрольные... Нет, не похоже. Скорее пишет план работы. Это довольно трудная задача, по себе знаю. Справа от нее настоящая чернильница. Макаешь туда перо, пишешь, пока чернила не закончатся. Были у меня в детстве перышки номер одиннадцать, со звездочкой. Для первоклашек. И какое было счастье, когда разрешили перейти на номер двенадцать. В твоём детстве такого не было, папа? А двенадцатый номер - это был шаг к взрослости. Это как сменить детскую октябрятскую пилотку на настоящую буденновку. Впрочем, может быть, это сравнение пришло мне на ум

прямо сейчас, не знаю. Не уверен, что тогда буденновка вызывала какие-то особые чувства. Не помню.

...Мама. Какая же она здесь красивая, моя мама, твоя Тонечка, а, папа? Я вот только теперь понял, как же тяжело ей пришлось в жизни! С прекрасным университетским образованием... Как она гордилась тем, что училась в том же университете, где учился Ленин. Даже поторгала парту, за которой тот сидел. Как-то так она рассказывала. Или даже посидела на этом месте. И ведь всё время по медвежьим углам. И работа с перерывами. И диапазон – от ее истории и обществоведения до астрономии. А то и секретарем-машинисткой в штабе. Судьба офицерской жены. Не все выдерживали, это правда.

Как ты в своих воспоминаниях коришь себя, а, папа! Не надо. Я гляжу вот на эту фотографию, вижу, как вы смотрите друг на друга... Оглядываясь назад, понимаю и чувствую, что так было всегда. Всегда!.. Не надо. Жизнь складывается, как складывается. Вы любите друг друга и любили всю жизнь, я-то знаю. Иначе откуда я вообще? А мама... Я никогда не слышал, чтобы она сетовала. Услышал бы, почувствовал. Тебе повезло, папа. Маме тоже. Как же я вас люблю, мои родные. Поздно. Позднее зажигание – есть такое понятие. Я сейчас всё чаще и чаще ловлю себя на этом. Или это только сейчас проявилось? Вот интересно, студенты звали меня за спиной тормозом или нет? Наверное нет, узнал бы. Бельмондо – да, звали. По фамилии, наверное. Пожалуй, что и по повадкам. Ладно, дело прошлое. Необратимое, не обидное...

А вот это фото я видел прежде, но не могу его привязать к конкретному времени. Здесь мама совсем молоденькая. Круглолицая, брови вразлет... Это еще до свадьбы, а, папа? До седьмого февраля сорок седьмого? Почему-то привлекает внимание вот эта большая пуговица-брошь на пальто. Наверное я что-то о ней спрашивал в детстве, об этой пуговице? Зато я хорошо помню чудесный отрез драпа (то был драп, папа?), который ты привез ей, кажется, из Риги. Глубокого темно-зеленого цвета. И сшили из него маме замечательное пальто. И там были пуговицы: большие ромбы в цвет пальтовой ткани с золотистой окантовкой. Неброско и очень солидно. А потом это пальто пришлось расширять, когда должен был родиться Витя. Вот видишь, папа, какие воспоминания или просто ассоциации навевают мне эти фотографии. Вся жизнь в них. Хотя их и немного, фотографий. Стен мало. А как же много фотографий просто пропали, совсем!.. Два переезда приравниваются к одному пожару – это постулат из далекого-далекого детства. Твои слова. В шутку? Какая уж шутка... Я за десять лет успел в семи школах поучиться. Две, правда, в одном месте были, в Шонгуе, по-моему. Сначала в старой, на железнодорожной станции, а потом в новой, прямо напротив дома, но через реку. Кола, между прочим. Зимой сто пятьдесят

метров, весной и осенью – пару километров. А ведь уже и не вспомню все школы, а?.. Попытаюсь.

В Титане я начал учиться. Пошел в первый класс. Это точно. Фиру Якиревич вдруг вспомнил. Выразительные карие глаза, невероятной красоты (или шарма?) два белых банта. И необычное – Фира Якиревич. По-моему, тоже дочка офицера. Так, да, папа? Эсфирь... Эстер... Здесь это рутина. Теперь ей семьдесят пять. Бабушка. А то и прабабушка. И живет, если жива, очень может быть, где-то по-соседству. Так вот и живем: две параллельных жизни – одна в нашей памяти, другая рядом с нами. А где мы, я? В какой из них? Или вовсе... Писал я когда-то об этом, а, папа? Или я тебе не читал? Тогда послушай:

...Ты появляешься на свет и выпускаешь первый крик,
и на хронометре твоём чудесно возникают числа:
с обратным счётом циферблат, где предначертан каждый миг,
и циферблат неожиданных встреч, случайных дат, незваных мыслей.
Отныне время состоит из двух не связанных времён:
в одном мы бодрствуем и ждём, и любим и детей рожаем,
а во втором - чуть слышный звук, неясный образ, детский сон,
они тревожат и манят, мираж и жизнь перемежая.
Ты трудно учишься ходить, судить, где истина, где ложь,
ты начинаешь видеть мир, растёшь... И толькоходишь в силу -
а где-то тикают часы: тик-так - и ты уже живёшь
наполовину в том, что есть, наполовину в том, что было.
Баланс несбывшихся надежд и состоявшихся утрат -
вчера беспечная игра, сегодня грустная реальность.
Осколки прожитых секунд летят, как поздний листопад,
в котором самый яркий лист теряет индивидуальность.
Ещё немного - и мигнёт нулями старый циферблат,
он отработал, отсчитав длину отпущенного срока.

Пора прощаться и идти, лишь брось последний взгляд назад:
там оба времени твои опять текут одним потоком.

...Где ты, Фира Якиревич? Эсфирь.

А помнишь, как мы на Новый год в той школе разыграли Репку? Посадил дед репку... Мне почему-то вспоминается, что это был Новый год. И даже не утренник, а вечерник. По-моему, темно уже было за окнами. Темно было наверняка, когда вы с мамой для меня костюм Репки делали. А я кругами ходил вокруг вас. Ты сделал проволочный каркас. Был он явно мягковатый. Представляешь, я проволоку эту наощупь помню, а? А потом вокруг каркаса какую-то бумагу прикрепили, обклеили. И раскрасили. А влезать в нее нужно было снизу, там отверстие было как раз по моим габаритам. И тащить ее нужно было на себе. Были там ручки для этого внутри или не было, но отверстия, чтобы наблюдать за происходящим и реагировать, сделали. Воспользоваться я ими, правда, не смог. Не нашел. Ориентировался на звук и по полу. Его я видел в то самое отверстие, через которое проник в овощ. Это были крашенные охрой деревянные доски. Ты представляешь! Я их помню! А было забавно. Я об этом в своих воспоминаниях писал. И Фира там была. В первом ряду сидела. С папой, по-моему. Очень веселилась. И пальчиком на Репку показывала.

А еще там горка была. Нет, Хибины – те были вокруг. Со стороны Кировска по крайней мере. Школа стояла на небольшом возвышении, а от нее, по-моему на спортивную площадку, спускалась невысокая широкая ровная горка. На лыжах там катались. Наверное на уроке физкультуры. Уж для послешкольных-то развлечений я находил что-нибудь посолиднее. Да уж, Репка... Смешно. А почему я плачу, а, папа?..

Потом Шонгуй. Или сначала на короткое время Зашеек? И был ли Зашеек тем местом, где я учился? А, папа? Я-то Зашеек помню: вода, вода, вода. Неподвижная, темная, очень чистая. И небо отражается бледно-голубое. И облака? Учился ли я там в школе? Если нет, то, получается, всего учился в шести. Но почему-то запечатлелась цифра семь. Я не очень склонен к преувеличениям – наука дает надежную прививку от этого. Ничего что я ударился в свои воспоминания, а, папа? Нормально?

Шонгуй... Школу на железнодорожной станции я и не помню вовсе. Так, какие-то образы расплывчатые. По-моему, только начал там третий (или четвертый?) класс. А потом открыли новую школу на противоположном от нашего военного городка берегу, прямо напротив. И перебрался туда. Да и было ли это?

Это я о той, старой школе. А в новой, той, что напротив городка нашего, мама работала. Завучем?.. Это сколько ж вспоминать нужно? По пятый включительно – так? – учился здесь. До лета 61-го. А зимой 61-го, сразу после Нового года, бегал я в сберкассе где-то в районе кирпичного завода – вот он здесь на Гугл-Земля, видно, что совсем заброшенный – деньги менял. Один к десяти. Помнишь ту реформу? Я вот запомнил. Очень радовались мы, дети, тогда, что если накопились медяки по копейке, две, три, то сразу можно было разбогатеть в десять раз. Эти медяки не деноминировались. Или как это называется?.. И школу эту нашел я в системе Гугл-Земля... Что это? Спутниковые карты всей земли. Помнишь, ты в Андижане рассказывал мне, что вам на закрытом совещании показывали снимки с американских спутников? Мол, номера грузовиков на бортах разглядеть можно. Где-то между шестьдесят четвертым и шестьдесят восьмым годом. Ну вот. Это продолжение той истории. Сейчас, кстати, очень удобный инструмент для террористов: закладываешь в мозги ракеты координаты – дальше она сама. Как борются? Да бог с ним. Как-то борются. Отбивание камня головой в сторону противника – тогдашняя наша детская трактовка одного из приемов самбо.

Так вот, нашел я мою дорогую школу. Да и место, где наш городок был, тоже нашел. Там два ряда финских домиков стояли, наш крайний с севера был? Или второй, а, папа? По-моему, первый. А полсотни метров дальше к северу и чуть в сторону от железной дороги был большой деревянный частный дом. И жил там мой школьный приятель, может, одноклассник, Вова Мурушкин. Отец его служил в Мурманске в торговом флоте. А потом отца его убили в электричке, он вез зарплату домой. Надо полагать, немалую. Был я у него в доме перед выносом тела. Вова был совсем потерянный. Да...

Школа... Посмотрел я на нее сверху, приблизился насколько можно... Вот здесь наша директрисса... Как же ее звали?.. Кто-то из одноклассников говорил, что гуляет она с морями. Какая только ерунда не всплывает вдруг... Так вот, здесь, во дворе школы, наша директрисса проводила общешкольные линейки. А линейку утром двенадцатого апреля шестьдесят первого провели в коридоре. Большой и широкий был коридор, так это вспоминается. А на улице, по-моему, капель была. Очень робкая. И мало кто понял, что произошло. Космос. Гагарин... Сказали, что нужно гордиться, мы гордились. И гордимся, пожалуй. Это я о себе. Один из немногих положительных образов в долгой-долгой жизни. Хотя и о нем Валентина Михайловна рассказывала... Прыгал, мол, из окна в санатории, когда супруга застала его... Да и ладно. Прыгал – и прыгал. Я бы тоже прыгнул. Хотя сейчас – нет. Ортопед сказал, что надо поостеречься. Да и заставить некому. И повода теперь точно не дал бы. А вот Георгия Мефодьевича, трудовика нашего школьного, он же учитель рисования, помню хорошо... Прошла жизнь. Нет ни

директрисы, ни Георгия Мефодьевича. Где-то живут их потомки, о которых я ничего не знаю и ничего никогда не узнаю. Так же, как и они обо мне.

А вот здесь, рядом со школой, до сих пор стоит обычный многоквартирный – что такое много-... восемь?... двенадцать?... – дом, на первом этаже которого жила Люда Лобанова, одноклассница, девочка с русыми косичками и бантами. Да уж. Судя по всему, влюбчив я был сызмальства, а, папа? Таким и остался. Ну уж, какой есть... Был. Папа у Люды был шофером, водил ЗиЛ-150. Был тот ЗиЛ новый, решетка радиатора была не горизонтальная, а вертикальная. И была у Люды младшая сестренка...

Вова Мамонкин и Сережа Паранчук. Два моих товарища. Жили по соседству, чуть поодаль к северу от городка. По ту сторону от железнодорожной насыпи у самой реки. Из рабочих семей. А то и потомки ссыльных или поднадзорных. Там есть такие. Мы дружили. Мне было с ними интересно. С Вовой на лыжах гонялись. Хорош он был на лыжах, что говорить. Детство... Вот вдруг вспомнил, прямо сейчас: разучивали мы по ролям басню. Что-то вроде Крестьянин в беде, так? И ярко-ярко – Володя Бордуков. Так, ничем не приметный мальчик. Чуть деревенского склада. Жил рядом с Вовой и Сережей. Володя в представлении за Фоку был: «Не то бЯда, что клеть далёка, да надо на дворе лихих дяржать собак», - так это было сильно! Эта его бЯда! Это его «дяржать». Две ясно слышимые и совершенно разные по значению и внутреннему содержанию «Я» и «я». Такая картинка была ясная! Тогда враз стало понятно, что такое божий дар, талант. Подсказал ему кто-то? Сам ли постиг? Так услышал? Какая разница?... Было.

А Валя Левикова! Как же, чуть не забыл. Вру, не мог я такое забыть. Был влюблен. Почему она оказалась в Шонгуе? Отец ее был флотским офицером, это всё-таки чуть севернее. Возможно, просто квартиру они получили не сразу, а сначала здесь. Валин образ стерся совсем. Но помню в деталях, что когда они перебрались-таки в Североморск, я очень тосковал. А как-то раз зимой сорвался в Североморск. Это электричка, потом автобус. КПП, матросы с собаками, проволока... Взрослый не проедет. Ребенок – запросто. Оказался я там вечером. Хотя вряд ли. Затемно – да. Но это же заполярье. Зимой либо ночь, либо сумерки. Валю не нашел. Да и не нашел бы: просто ведь поехал – и всё. Зато увидел подлодки. Атомные? Кто ж их знает. Было холодно, ветрено, промозгло. И темно. Вокруг по косогорам стояли многоквартирные дома, там горел в окнах свет, там кто-то жил. Наверное и Валя. А я был один. Стало так тоскливо, папа!

Смотрю я на себя сейчас из далекого-далекого «потом» и думаю: мог бы сейчас одиннадцатилетний ребенок так путешествовать? Шонгуй-Мурманск-Североморск – это по нынешним масштабам Алма-Ата – Талды-Курган. Или

Фрунзе. Прости, Бишкек. А в Мурманск я просто любил ездить. Мелкие деньги вы мне давали, а удавалось и сэкономить: это если без билета, а на подножке электрички. Холодный пот сейчас прошибает, честное слово. Помню эти подножки в деталях. А в Мурманске я любил ходить в краеведческий музей, по-моему, бесплатный. Я мог час-другой стоять возле огромной модели траулера... А потом тот самый Георгий Мефодьевич – спасибо ему – научил меня держать инструмент. И когда модель подводной лодки на резиновом ходу действительно ушла под воду, а потом всплыла – он был удовлетворен. А я – счастлив. Пятый класс. Что нужно для счастья? Всё! Даже холодные синие котлеты в привокзальном мурманском буфете – как же я их любил! Это осталось, а?

Ты знаешь, я недавно поискал в интернете... Про интернет я уже рассказывал тебе, папа. Да, поискал и нашел в Мурманске тот самый краеведческий музей. Тот самый! От вокзала немного по ходу поезда, ну, на север. И там он и стоит. Там фотография входа есть: кольнула иголочка в сердце. А потом нашел обзорную фотографию – круговая такая, изображение двигать можно, как будто голову поворачиваешь. Так ты знаешь, вдруг увидел на том самом месте, так мне увиделось, модель большого корабля. Не траулера, что-то другое, с вертолетной площадкой и какой-то конструкцией на палубе, спасатель, может быть. Но на том самом месте! Модель корабля! Взял и заплакал. Нервы ни к черту совсем. Или это что-то другое, а, папа?..

А в шестьдесят первом перевели тебя, папа, из Заполярья в Кашкадарью. Карши. Узбекистан. Это мы все хорошо помним, правда? А вот школа... Там я учился в пятом и шестом, так? А мама в школе работала завучем, да? Совсем ведь смутные воспоминания, черт побери! А образы перед глазами... Цветные, живые... Поселились мы в бараке, но все входы в нем были отдельные. Не уверен, что это барак. Вообще-то барак – это казарма. В Титане был настоящий барак: общий длинный коридор и двери справа-слева. А этот – скорее одноэтажный многоквартирный дом. Ну да ладно. Итак, наш вход был с края. С какого? Пожалуй, так: если стать лицом к бараку, а спиной к улице, то с левого края. Там две комнаты были наши – точно две, а? – а в одной кто-то еще жил. Мужчина. По-моему, одинокий. Его дверь была сразу от входа направо. А к нам – чуть поодаль и прямо. Поодаль – это прихожая. Довольно просторная. Возможно, потому что пустая. А налево, напротив двери соседа, была кухня. Там мама однажды поленом – а откуда там полено?.. Но так запомнилось: поленом прибила на стене фалангу. Соседи посоветовали замариновать (или как?) ее в хлопковом масле (не уверен, что там было какое-то другое растительное масло, кроме хлопкового), чтобы, мол, в случае укуса фаланги смазать место укуса этим зельем. Какое-то время я иногда натыкался на банку с тушкой фаланги в масле. Не пользовались, случая подходящего не было.

Сразу за баракон, метра в двадцати позади, был наш душ. Из наших окон его было видно. Ты привез из Ханабада самолетный подвесной алюминиевый бак – выглядел как ракета – для воды. Нагревалась вода неважно, всё-таки отражательная способность серебристого алюминия высокая – это я с нынешней позиции специалиста по тепломассообмену. Но нагревалась. Солнце в Кашкадарье – это тебе не медленное ласковое запыляющее солнышко.

В соседнем баракон жил парень чуть старше меня. Парень... Отрок. Седов – это точно. Может быть, Валера. Не очень уверен. Седуха – так его звали. И был у них Иж-56 с коляской. И я с удовольствием рассказывал ему, что у нас-то есть М-72. В Алексине. А он говорил, что 56-й тоже неплох. А потом они купили Запорожец, 965-й, горбатый. Это было наповал. Мы ходили кругами, гладили, нюхали...

Школа... К ней нужно было идти вдоль дороги. Направление? Вот как лицом стоял только что к нашему баракон, ну дому – так в том направлении. Пожалуй, на север. Долго пытался найти на карте в Гугл-Земля, не удалось. Только аэродром, Ханабад. Там в/ч 40420 – запечатлелось на всю жизнь – что-то строила авиационное. Ты помнишь нашу часть, папа? 40420 – это она. И в Шонгуе была она же. И раньше, наверное, только в те совсем уж детские времена номер был мне не актуален. А школа – она стояла на той самой дороге, пожалуй, улице, вдоль которой к ней нужно было идти. По правую сторону, ну, на север. Километр? Как-то так по ощущениям, нынешним ощущениям. Только улица эта в том месте, где была школа, превращалась в площадь. Центральную или нет – кто ж теперь скажет. Демонстрации на ней, по-моему, проводились. Первое мая, седьмое ноября – как положено.

А вот вспомнил: я тебе тогда рассказывал, папа... Шли мы с приятелем, в школу, думаю так. Дорога ремонтировалась. Или столбы там устанавливали. Как раз по этой стороне, по которой мы шли. Ямы были и кучки темно-рыжей земли рядом с ними. Что-то такое. Пасмурно было. Услышал я сзади мотоцикл. М-72 или Ирбит уже тогда появился – это я сейчас оцениваю. А звук этот – двигатель четырехтактный – я распознавал сразу. Способный я был мальчик, а, папа? Ехал он быстро, это я тоже слышал. Я повернулся налево, он как раз рядом проезжал. И в этот момент он наехал коляской на эту кучу земли, а может, в яму попал колесом коляски – всё очень быстро произошло, мотоцикл перевернулся, водителя или пассажира коляски – не успел увидеть – подбросило высоко вверх. Грохот, пыль... Впервые я увидел дтп со стороны. Потом в школе рассказывал. А ведь тогда все ездили без шлемов. Да уж...

Школа была, кажется, двухэтажная. Побольше моей прежней, шонгуйской, школы. Был у меня друг, Коля Прытков, одноклассник. Очень крепкий, даже,

пожалуй, мужиковатый, русоволосый. Обстоятельный. Помню, что быстрее всех он бегал шестьдесят метров, наш детский спринт. А дома – жил он в каком-то странном собственном доме – или тоже бараке? – не могу сейчас сказать – был у него очень потрепанный К-175 с зайцами, предшественник будущих Ковровцев. Это была сказка! Принадлежал он ему или кому-то из старших – не знаю. Заводился он очень трудно. Меня удивляло отсутствие аккумулятора – привык к М-72. А здесь магнето – и всё. Был еще одноклассник, хороший товарищ Леня Федоров. Жил он недалеко от школы при какой-то ветлаборатории. Так запомнилось. Там его родители работали. Леня занимался боксом, у него это здорово получалось. Еще один товарищ – Валера Назиров. Улыбчивый круглолицый мальчик. Был как-то у него дома. Красота: дворик за высоченным дувалом, хауз с водой, беседка – как-то это по-другому называется – с низкими топчанами по периметру и виноградными кустами сверху, с боков – отовсюду – с невероятно вкусными покрытыми нежной пыльцой Дамскими пальчиками – увесистыми серовато-зелеными гроздьями. А еще там была девочка. Как же без этого? Галя Птухина. Не забыл, а. Сероглазая, светловолосая. С бантами... Потом она куда-то уехала.

А еще была новенькая, Жанна Хаджиева. Азербайджанка. Очень яркая, знала себе цену. Другая, не такая, как все. Сестра ее, кажется, была в школе старшей пионервожатой. Я как-то раз назвал Жанну армянкой. Она меня взрослому поправила: «Никогда так не говори. Мы их презираем». Это было для меня неожиданно и диковато. За что можно презирать нацию. Это я после выяснения, что такое нация, национальность, народ – тогда впервые стал задумываться. На севере все были просто люди. Для меня по крайней мере.

Ненадолго в классе появился компактный, как я, мальчик-грузин, Отари Мерквиладзе. Он нас всё время сначала поправлял: «Не Отарик, а Отари». Потом, по-моему, перестал. Махнул рукой. Девочки в классе сразу, как говорится, на него запали. Ну да, симпатичный, со взрослой густой шевелюрой «под канадку», немногословный, держался с очевидным достоинством. Его отец служил в том самом авиационном полку в Ханабаде. Совсем много лет спустя узнал я, что отец его, Гарри Александрович Мерквиладзе, это знаменитый летчик-истребитель, Герой Советского Союза. Отарик никогда об этом не говорил. Ты же знал об этом, папа. Не рассказывал. Повода не было? Нашел я в соцсетях Отари Гарриевича Мерквиладзе. Пожилой лысый с серьезным лицом человек. Не стал беспокоить.

Помню старшекласников – десятый, наверное. Были здесь одиннадцатые или нет, не скажу. Как раз в это время шла вся эта чехарда: десять лет, одиннадцать лет, снова десять лет... Через пять лет перепало мне этой этой чехарды по самое не хочу. ...Да, старшекласники. Саша – высокий мускулистый

сероглазый блондин. По-моему, Ильин. Хуссейн - Хусик – Нуруллаев. Тоже высокий, как Саша, гибкий, очень спортивный. Оба – известные в городе боксеры. Хуссейн потом стал Исамутдиновым, его отец, партийный босс, одним из первых в республике решил отойти от старого обычая, по которому дети получали в качестве фамилии имя отца. Был еще один парень, полноватый, круглолицый, улыбчивый, третий в компании с Хусиком и Сашей. Как звали?.. Рафик? Рафаил? Этот виртуозно играл на трубе и кларнете. Впервые увидел я серебристую помповую трубу у него. И от него я услышал любимые навсегда «Серебряную гитару» и «Маленький цветок». Классно играл. Ничего, что я всё это вспоминаю, а, папа? Здесь, перед этими фотографиями, перед тобой? Не утомил? Знаю, не утомил. Это наша жизнь. Я – это ты. Еще немного, ладно? Когда еще...

Такая вот школа. Найти не мог сначала. А потом вдруг всплыла в памяти фамилия, Шукуров. Исмаил Шукурович Шукуров. Уже и не помню в связи с чем. Память ведь – она своей жизнью живет... Поискал в интернете. Ну, я объяснял. И оказалось, что этот человек был в то время директором школы номер пять. Нашел на карте города. Очень похоже, знаешь... Двухэтажная. На улице Узбекистана. А напротив какая-то площадь. Она? Ёкнуло сердце. Больше шестидесяти лет ведь... Будем верить, что она. Был там когда-то дядюшка Кадыр-ака. Прихрамывал. В черном халате и черной ферганской?.. - не скажу наверняка – тубетейке. Школьный сторож.

...Наш школьный сторож Кадыр-ака

за ухо тащит ученика...

- исполнялось на мотив Сент Луис блюз.

А вот ещё. После пятого класса, по-моему, отправили вы меня в групповую турпоездку: Ленинград – Рига. Через Москву. Поездами, естественно. Старшим у нас был пожилой (лет сорока пяти по сегодняшней оценке) узбек. Был он руководителем то ли дома пионеров, то ли чего-то похожего. Нас, детей, было человек десять-двенадцать. По ощущению. Остались в памяти эпизоды...

Когда ехали туда – это плацкартный вагон – впервые услышал Эдиту Пьеху. Запало. Был один мальчик. Думаю, после четвертого класса. Забавно он кого-то отчитывал: «...Ну что ты крутишься, виртуоза!..» «Виртуоза» на несколько лет вошло в употребление.

Еще был один мальчик, по-моему, из параллельного класса. Мы с ним приятельствовали. Как звали?.. Увы. А фамилия – Емец. Наш руководитель почему-то нас с ним звал товарищ Емец и товарищ Валерис. Последний это я. Излишне официально, по-моему.

В Ленинграде было прохладно и неярко-солнечно. Очень мне знакомо по Заполярью. Жили мы в какой-то дальней турбазе в Озерках. Нынче это вполне себе Питер. Не центр, но не край Ойкумены. А в Риге... Густые темные лиственные деревья. Запомнилось, как мы где-то на трамвайной остановке спрашивали местных, как доехать до Межепарка. Некоторые нас не дослушивали, молча отходили. Кто-то невнятно объяснил: «Налево, четыре остановки». Когда наш руководитель для закрепления результата спросил другого человека, тот показал противоположное направление: «Пять остановок туда, направо». Тогда это вызвало детское недоумение: чего это они? Сейчас, спустя жизнь, да какую!.. пришло на ум вот это, сейчас найду... Слушай: «...В одно время с ними с противоположной стороны подъехал древний Мерседес с палестинскими номерами, в нем были пять или шесть усатых мужчин в клетчатых арафатках. Мерседес остановился у поста, из окна выглянул водитель и показал им рукой: проезжайте. На душе стало нехорошо. И тут он увидел, как по обе стороны шоссе из-за невысоких холмиков-дюн появились и направились в их сторону узнаваемые стволы израильских штурмовых винтовок, по два ствола с каждой стороны. Армия не дремала...» Это из моих воспоминаний, ездил я в девяносто третьем в Сектор Газа, искал работу. Такая вот трансформация восприятия, а, папа?..

А потом мы переехали в Андижан. Ферганская долина. Жили мы, по-моему, недалеко от части, где ты служил. Как-то чуть-чуть на склоне. Немного выше жил Левинский, сверхсрочник, старшина или прапорщик – я в этом тогда очень хорошо разбирался, а сейчас всё слилось в одну общую картину. Ты писал в своих воспоминаниях, что он с тобой давно служил. Был у него сын Миша, примерно мой ровесник. Не очень интересный. А еще ты рассказывал, как Левинский лизнул – кислот-не кислот – анодную батарею от аварийного самолетного радиомаяка. Двести десять вольт как минимум. Лечили его потом. Когда рассказывал, было смешно. Сейчас, честно, уже не так. В Андижане я учился в седьмом и немного в восьмом классе. Учился в шестом или нет – не помню. О школе... Что можно рассказать. В сентябре начали учиться, во второй половине сентября все снялись и отправились на хлопок. Об этом я писал в своих воспоминаниях, я же рассказывал тебе, мой хороший. Да ты и сам всё это прекрасно знаешь. Хлопок – это всё. Была одна девочка. А как же без девочки? Как звали? Таня Золотухина. Тихая. Высокая. Русая. Был влюблен? Пожалуй. Никогда не было у меня решимости что-то с этим делать. Влюблен? Влюблен. Глазами. И переживал. Потом прошло. Совсем. Но это потом.

Да, ещё... Здесь я начал заниматься волейболом. Тогда еще рост позволял – примерно как все. Получалось неплохо: реакция, прыгучесть. Очень хорошо далекие мячи в падении доставал. Хотя деревянного пола побаивался, но не помню, чтобы хоть раз занозу поймал. Обошлось. Однако развития по понятной

причине всё это не получило. И вот еще... Как-то всё фрагментами вспоминается, правда? Ты когда свои мемуары писал, тоже так было? Ну вот. ...На хлопок нас вывозила наша классная, Алла Моисеевна. А в Каршах – там тоже хлопка было много-много – Юрий Моисеевич, завуч. Странно: мама была завучем в нашей школе и Юрий Моисеевич... Или я что-то путаю, а? Но я к чему: много евреев было. А Юрия Моисеевича школьники так за глаза и звали – еврей. Он однажды услышал, какой-то Юра это сказал, перевел в другую плоскость: «И что? Ты Юрий и я Юрий». Это я запомнил дословно. И был у нас еще один мальчик – я и словами-то такими разговаривать не умею – мальчик. Звали его Изя. Штангист, между прочим. Приземистый, крепкий, не очень разговорчивый. Был у него третий разряд, это точно. Тринадцать... или двенадцать ему было? Шестой класс. Тринадцать. ...Сколько же всего всплывает в памяти, если раскручивать картинку за картинкой. Главное – не выдумывать. Жизнь и без того полна событиями. А придуманные – они не впишутся, выпадут где-нибудь. Не утомил, папа? А потом была Алма-Ата. Это сказочный город!

Алма-Ата – это по нарастающей. В смысле качества и уровня жизни. Сюда мы переехали из Андижана в конце 63-го. Как раз под Новый год. Титан – Шонгуй – Карши – Андижан – Алма-Ата... Ты помнишь нашу первую двухкомнатную квартиру на девятой линии? Я - да. Там сейчас всё по-другому, а дом стоит на месте. Вот, смотри, покажу. Это я Гугл-Земля открыл. Вот дом. Вот наш подъезд. Сильно, правда? А школа моя вот здесь. По Девятой линии вниз до Университетской, потом налево до Гагарина. Вот она. Полгода проучился я здесь в восьмом классе, а потом, понятно, перешел в девятый. В школе и были-то только восьмые, девятые, десятые и одиннадцатые классы. Только старшеклассники. Зато сколько нас было! Когда выпускались, было то ли двадцать два, то ли двадцать три выпускных класса! Повезло, черт побери! Выпускались одновременно десятые и одиннадцатые классы. Переходили с одиннадцати- на десятилетнее обучение. Ну вот почему мне всю жизнь достаются эти несчастья, а, папа? Когда подготовил диссертацию к защите, в ВАКе начались реорганизации коренные. Угрюм-Бурчеева – это так в народе звали председателя ВАКа Кириллова-Угрюмова – сменили. А я?.. Три года псу под хвост! Когда только-только стал на крыло – а я ведь видел прорыв, вот он – началась перестройка, мать её! Пришлось, извини, валить. А как не валить, когда мой студент-троечник приезжал в институт на Мерседесе, а я, руководитель его дипломного проекта, на твоей, папа, ноль-тринадцатой цвета «Охра золотистая» - по доверенности. И было ясно, что всё умерло. Оно и умерло. И студент это сложил голову где-то в подмосковных криминальных войнах. Степаном его звали. А я вот здесь. До сих пор жив. Жив ли? ...Ох, прости, мой хороший. Грусть-кручина. Один, один, один... Только ты вот рядом. Сейчас рядом.

Школа... А вот здесь жил мой друг Володя Зориков. Ты знаешь, он так и живет в Алма-Ате. Алматы теперь называется. Продал свой проектный институт. На пенсии. Отдыхает. Путешествует. Иногда созваниваемся. Такой же рассудительный, как был, когда мы познакомились в шестьдесят третьем. Это ж седьмой десяток пошел, как мы дружим, а, папа! Пусть будет жив и здоров мой друг Володя. Только вот... Недавно он мне позвонил, и я вдруг услышал: «Ты знаешь, стареть не хочется как, а...» Знаю, Володя. Еще как знаю. А Таня... Танечка. Первая любовь. Настоящая. Не случилось. Так и бывает чаще всего. Так говорят по крайней мере. Нашел я Таню года три назад. Живет она в Питере. Да я тебе уже говорил... Господи, папа, родной мой, как же быстро всё заканчивается, а...

Да, вот еще. Лет пять назад случайно встретил я в Одноклассниках... Что такое Одноклассники? Так... То же самое, что и Фейсбук, социальная сеть, средство общения. Я рассказывал. Так понятно? Ну вот. Да и не имеет это значения. Так вот, написала мне одна женщина, Валя. Оказывается, она обратила на меня внимание, когда я учился в девятом. А потом и в десятом. Она в это время училась в одиннадцатом «И». Там одни девочки были. Специализировались в музыке. И она мне свой дневник прислала, где всё это было рассказано. День за днем. Шестьдесят пятый и шестьдесят шестой. Папа! Как же это было... Даже не могу слов подобрать, слабы слова... Я это опубликовал на своем сайте. Вот здесь. Нет, я всё читать не буду – так трогательно, так тепло... Вот что я написал в заключение. И ты знаешь, это именно то, что я чувствую. Я прочту? Вот это Валя заканчивает свой дневник: «Юра, Юра... узнаешь ли ты когда-нибудь, что ты был моим Кумиром?» ...А это я в качестве послесловия: «Узнал, Валя. Что я могу сказать? Я даже не спросил твоего разрешения опубликовать всё это здесь. Но почему-то мне кажется, что ты не возражаешь. Я ведь не славы ради. Спасибо тебе, Валя. Не за кумира. За то, что ты вернула меня туда, на полвека назад. Я вдруг прожил заново те несколько дней, которые ты подарила мне. Я прожил их заново так остро, что почувствовал, как стекает с носа та самая дождевая капля, как неудобно держать в руке тяжеленную желтую кожаную папку, увидел как тают в надышанной раздевалке «Медика» снежинки на розовой пуховой Таниной шапке, услышал, как замирают там, над исполосованным коньками льдом, последние звуки такой лиричной и трогательной Non ho l'età - Я ещё маленькая - Джильолы Чинкветти. Я вдруг вспомнил и заново ощутил те свои мысли и чувства. И ведь они не показались мне ни детскими, ни наивными. Они мои. Твой дневник, Валя - это такая миниатюрная абсолютно эффективная машинка времени: раз - и мы оба там, полные сил, веры, будущего. Мы оба. Поэтому я и уверен, что ты не возражаешь. Мы прожили жизнь. Каждый по-своему. Каждый, ничего не зная о другом, а я ещё

и не подозревая, что есть такая Валя. Даже не подозревая!.. Я преклоняю колени и целую твою руку, Валя. За что? Да ни за что. За жизнь...»

Ну что, папа, в школах своих я побывал. Не утомил? И вот ещё, это уже не про школу, это опять из далекого северного детства... А знаешь, всё-таки детские воспоминания самые богатые. Содержательные, что ли. И я знаю почему. Просто в детстве мы за одинаковое время поглощаем намного больше информации и просто впечатлений, чем когда мы старше. И это не потому, что с возрастом мы теряем это умение – поглощать информацию, а потому, что реально новой информации в ходе этого процесса становится всё меньше и меньше... Я понятно выразился? Ну, как-то так. ...Вот, была у меня фотография детского моего уголка в Исакогорке. Мы тогда квартировали у пожилой пары, Михаил Александрович, по моему. Машинист. Помню, усаживал он меня за стол напротив себя, наливал мне что-то красивое красное-красное в стакан, наливал себе... Он попивал из своего стакана и рассказывал мне разное интересное про паровозы... Нет-нет, я не пил. Да ты и сам знаешь. Просто ему, я так думаю, собеседник нужен был. Лучше, понятно, молчаливый. Слово «сухопарник» мне очень нравилось и я его частенько произносил. Или это ты мне напомнил? Но вот очень хорошо помню, что «Р» мне не давался. Я о звуке. Что-то там во рту друг за друга цеплялось. До сих пор цепляется. Нет, не еврейское картавое. Просто проскакивает порой мимо и всё. Выручило бы английское (лучше американское) R, это получается легко. СухопаRник. Класс! Вот так и жизнь прошла, а?

...Да, там на фото была лошадка из папье-маше, был замечательный заводной паровоз зеленого цвета с комплектом рельсов. Совсем как настоящий. Тяжелый, руки до сих пор помнят. Но, знаешь, заводной, да еще привязанный к рельсам... Что-то в этом было от несвободы. И была там моя любимая подушка, зеленый плюш в черную полоску, клеточки сантиметра по два размером. Клеточки эти были такие красивые, такие мягкие!.. Где та фотография?.. Никто не знает. Нет её. И не будет. А я помню. И ты, правда, папа? Это же ты фотографировал. И почему-то вспомнилось вдруг, ты сказал, что ли? – лошадка та постоляла под дождем и распалась совсем. Так стало жалко!.. А еще бокалы. Сказка! Звук у них был!.. Это ты из Германии привез. Ты рассказывал. И становилось их всё меньше и меньше с течением времени. Последний и вовсе был уже без круглой пятки, только ножка. Лежал на боку. В руки его мама брала. Думаю, что я к этой убыли тоже отношение имел. Но не наверняка. Да и переезды, переезды. Ни одного упрека я не слышал. Ни от тебя, что, по моему, вообще невозможно, ни от мамы. Что, впрочем, невозможно тоже. Разбил так разбил. А может, это не я, а? Хотя что-нибудь да не я...

Что, папа, родной мой, пора? Ладно. Знаешь, а давай к маме заедем. Это здесь недалеко. Только еще раз на фотографии взглянем. Вот на эти, где наша

мама, да? Пока, моя хорошая. Наша хорошая. Люблю тебя... Пошли. Дай-ка я дверь закрою, надо бы не забыть. Совсем стал я как ты: вот дверь закрыл, теперь открыл, проверил, выключил ли свет. Хотя и не включал. Так, для порядка. Знаешь, иногда совсем снизу возвращаюсь, чтобы проверить, закрыл дверь или нет. Лет семь назад уже... или шесть?.. Давно в общем, улетал я к Олегу в Москву. Закрыл всё, проверил. Был налегке, за полчаса минута в минуту дошел до поезда, чтобы в аэропорт ехать – самый удобный вариант. Сел в вагон, поехали. И в вагоне начал я переживать: закрыл входную-выходную дверь или нет. До того изнервничался, что хотел уже сойти и не лететь вовсе. Нервы ни к черту. Потом позвонил Саше на работу, попросил заскочить и подергать ручку: закрыто-не закрыто. Слава богу, Саша парень толковый. Заехал, проверил, прислал мне фото двери – мол, именно эту правильную дверь он проверял. Отлегло. Улетел. В самолете начал переживать, закрыл ли газ и воду. Потом плюнул. Удачно.

Что там моргает на стене под потолком лестничной клетки? Камера. Видеонаблюдение. Поставил я с полгода назад, пусть на площадку смотрит. Подворовывают здесь. А, уже рассказывал? Долго, кстати, батарейки работают. Полгода уже мигает. Денно и ночью. Теперь, когда выхожу из квартиры, думаю: когда батарейки закончатся, как их менять? Высоковато. Поставить-то поставил. Но с тех пор я повзрослел на полгода. В мои годы, ты же знаешь, взрослеют быстро, хе-хе.

Ну, садись. Рядом сядешь или сзади? Там попросторнее. Кто эта девочка?.. Посмотри, посмотри. Помнишь, «... подошел и увидел девочку невысокого роста с высоким лбом и большими серыми глазами...»? Это твои слова, из твоих Записок. Она посидит там тихонько, поедем вдвоем, хорошо? Сейчас со двора выедем и направо по нашей Лавровой улице. Здесь потихоньку: пешеходный переход, он прямо в школу упирается, много школьников. По утрам, когда толпа идет, здесь стоят дети с длинными шестами-шлагбаумами. По команде они всё автомобильное движение перекрывают, школьники проходят. Потом открывают, дети накапливаются для следующего перехода. И так раз за разом. Ты бы видел, как им водители подчиняются. Трогательно. Что за дети с шестами? А те же школьники. Дежурные, надо полагать. Сейчас никого, учебное время уже закончилось. Или каникулы наступили? Честное слово, ни малейшего представления. Как-то всё это мимо меня прошло. Сзади сигналят? Это темперамент. Иногда хочется остановиться, поставить авто на ручник, выйти и убить. Это остатки моего темперамента. Интересную картину наблюдал однажды в Иерусалиме. Где-то в районе кучкования этих, с пейзами. В субботу, в шабат, если по-здешнему. Там в это время шаром покати. Буквально. И уж точно ни одной машины, как вымерло всё. И вот перекресток. Пустой, как я сказал. Одна-единственная машина стоит перед светофором. Красный. И водитель светофору

подсигналивает: скорей, мол, скорей... Темперамент. И генетика: мне надо, а ты здесь красный... Помолчим? Прости, конечно помолчим.

Ну а я пока так, про себя, шепотом... Вот, выехали на четверку. Теперь на север. Когда-то, лет шесть назад... Или семь уже?.. Я здесь ездил на велосипеде до самого упора. Где упор? Это до Рош Никра. Деревня на границе с Ливаном. А, и это рассказывал? Вот интересно: три десятка лет живу здесь, а вспомнить нечего. Совсем. Как прилетели сюда, помню. Жарко было, влажно, страшно и дико: нахрена?! Потом Борька простудился и заболел. Где-то под новый год, по моему. И Юра нас тогда на своем стареньком Ситроене куда-то возил к врачу. Оттуда как-то вот это получилось:

«...Мальчик светлоголовый неспешно выводит

елку мокрую на запотевшем стекле» -

- прямой связи нет, чисто эмоциональное.

Отрока кота Василия возили к ветеринару с Ириной. Как же он кричал из сумки, в которую его тогда затолкали! Как же он меня тогда изодрал!.. Когда я отвез его в последний раз к Нику, он тоже кричал из корзины для белья. Кот Василий, моя семья. Теперь нет. Ирина вот всё рвалась на волю. Вырвалась. Пусть найдет, что искала. Дай ей бог... Вспомнить нечего. О чем это говорит? Правильно, о том, что не жил. А раз не жил, то и нет меня. Прости, мой хороший. Оба простите. Это точно не для вас. При вас не имею права.

Вот, здесь поворот на Масарик. Это киббуц, деревня. Помнишь, когда-то покупали мы здесь рыбу? Чуть дальше прямо на въезде был большой магазин. И рыба, рыба... Сейчас там въезд только для своих, шлагбаум. А здесь объезд. У киббуца большое прудовое хозяйство. Здесь на мелких подводящих каналах всегда есть рыбаки. Ну такие, любители. С удочками. Мне бы такую удочку там, в Шонгуе, а! Хотя там с такой длинной трудно управляться. Нам, детям, по крайней мере. Детям, нам... Смешно. Да, именно здесь Олег с Иваном ухитрились даже порыбачить немного. Ну я тебе, папа, рассказывал, как незадолго до отъезда в аэропорт они сорвались и махнули сюда на ту самую пару часов. Купили накануне банку консервированной вареной кукурузы. Вернулись довольные. Олег сказал, что везде, мол, рыбачили, а в Израиле еще нет. Те самые каналы. У Олега тяга к этому от Анатолия Викторовича, тестя моего первого, светлая память. А Ивана Олег приобщил. Да и свояк мой, Юрий Петрович, он, кстати, из Коломны, очень увлекается. Когда гостил я у Олега, ездили мы все вместе на рыбалку. Там, правда, не дикое место, а прикормленное и за деньги. Это совсем рядом с

Коломной, но не на Оке, прудовое хозяйство. ...Вот и сейчас пара удилиц торчат из камыша. Ловят. Видите? Если окликнуть, то скорее всего отзовутся по-русски. Могут и послать. Так что всё родное.

Ну вот, еще немного. Вот это поле объедем. Хлопок, по-моему. Пока не ясно. То хлопок, то что-то кормовое. И смотрите, какая длинная дождевальная установка. Колеса, колеса, трубы, трубы... Асфальтовая дорога вокруг. Здесь, если дожди, танк не пройдет. Удивительно липкая грязь. Я когда-то до покупки машины сюда на велосипеде добирался. Как буду добираться, если придется машину продать? Не знаю. Шакалы, собаки бесхозные – это бывает. Раньше просто ехал и всё, сейчас что-то на душе появилось нехорошее... Прости..те, мысли, мысли... И всё вслух. А?.. Куда добирался? Сюда.

Подъехали. Что за ворота? Что там написано на иврите? Бейт алмин там написано. Нам сюда. Еще немного ногами. Пройдем, папа? Вот сюда. Где наша попутчица? Она здесь. Вот, я прочитаю: «Дурченкова Антонина Николаевна. 24.3.1925 – 19.7.1999. Жене и другу, маме, бабушке». Ты видишь, папа. Здесь прибрано. Цветы. Я здесь бываю. Сейчас я свечу поменяю. Вон там, с задней стороны стелы. Камешек с собой отсюда возьму. А сюда вот этот положу. Не плачь, папа. Не надо, мой родной. А, это я плачу? Ну, мне можно. Нужно.

Поклонимся? Поклонимся. Я всегда так делаю. И немного ей рассказываю, как я, как мои дети, внуки... Сейчас я загляну в тот ящичек, где свеча. Не погасла ли? Всё в порядке. Там вон отверстия есть, воздуха для горения хватает. Поехали, я тебя отвезу. Девочка?.. Она здесь останется. Осталась. Нет, ничего не случится. Больше ничего не случится. Так надо. Я знаю, что ты понял. Помнишь, как ты написал в своих воспоминаниях? Я ведь не досказал: «Я подошел и увидел девочку невысокого роста с высоким лбом и большими серыми глазами, это была Тоня...» Поехали.

Мы сейчас по объездной дороге поедem, здесь посвободнее. Раньше через все эти мелкие городки – Кирьят Ям, Кирьят Бялик, Кирьят Моцкин нужно было ехать по четверке, а потом, лет десять уже, наверное, построили объездную. Досаждают иногда, через поле слышно из моей спальни. Хотя чего там. Встаю я в пять, еще нет движения. А укладываюсь... Что? Хочешь в тишине побыть? Я тоже. Помолчим...

А знаешь, папа, вот мы вспоминали, вспоминали... И у меня такая картина получается: всё, что было там... Ну там, раньше, при жизни, это такая сеть, паутина. Линии, линии, все переплетаются. Почти хаотично. Но нет. Где переплетаются, там узелок, точка, событие. И из каждой этой точки по любой линии, буквально по любой, можно добраться в любую другую точку. И всё это в

ярких цветах и красках. И всё это без единого пропуска. Помню всё, каждую секунду. Если не головой, то сердцем, всей кровью. А то, что здесь, после жизни... Это тоже сеть. Как сетка для волейбола. Хотя нет, как канва для вышивания. Есть такая. Она вроде бы и сетка, очень системная: вперед-назад и вправо-влево. А узелков нет. Все линии, все нитки можно беспрепятственно повыдергивать одну за другой. И нет никаких событий, а потому нет и связей между ними. Ни в цвете, ни в черно-белом. Никаких. А раз так, то и жизни этой нет. Не было. Нитки повыдергивай – всё рассыпется. А ведь это половина отпущенного мне срока, а, папа! И ладно бы первая. Нет, последняя... И потому – потому что это канва – она такая быстротечная. Прости.

Вот и Нешер. Орловщина наша. Помнишь, как вы сюда прибыли? И как мы вас встретили, Ирина, я и малюсенький Борька? Страшно было, правда? Раз – и в никуда. Есть у меня твое фото в первые минуты в той самой квартире на Дерех-а-Технион: взъерошенный, видно, что растерянный, но держись. Солдат. Родной мой...

Вверх, вверх, вверх... Вот Рамот Ицхак. Это район Нешера. Верхний район. Здесь как в Алма-Ате, только помельче и покруче: вверх-вниз, вверх-вниз. Был помоложе, бегал я тут по всем этим лестницам. Даже к университету бегал. Вон он, отсюда видно хорошо. Далековато, правда? И высоковато. А ведь бегал. Сколько мне тогда было? Вот-вот пятьдесят? Совсем подросток.

Через горку перевалили, немного вниз, теперь налево и сразу направо. Ворота. Можно заехать, но я здесь сбоку машину оставляю обычно, на стоянке. Попросторнее. Почему машин нет? День такой. Никто не приезжает. А мы приехали. Пойдем, провожу тебя.

Ну вот, это здесь. Так написано. «Борис Белиловский. 19.1.1924 – 13.11.2009. Дорогому папе, дедушке и прадедушке. Помним, любим, скорбим». А справа в углу знак, что ты участник второй мировой. Дорогой мой солдат. И твой портрет. Я его помню: ты в светлой рубашке, чуть приподнята правая бровь. Вот-вот и улыбнешься. Как это мне знакомо, папочка!..

Всё. Прощай. Здесь дверь, которая закрывается навсегда. Иди. Прощай. Я немного постою здесь на коленях. Я зажгу свечу в том маленьком ящичке с тыльной стороны стелы. Свеча – это огонек для души. Символ, конечно. Теперь положу тот камешек, который взял там у стелы, на которой написано «Дурченкова Антонина...», твоя Тоня. Отсюда я взял тот, который оставил там. Ты сейчас со своей Тоней, я это знаю. Откуда и почему знаю? Потому что я это вы.

Прощай. Нет, до свидания. Помнишь, что я сказал, когда заскочил на пять последних минут перед отлетом в Алма-Ату? – «Скоро увидимся». И что ты

ответил? – «Увидимся. Ты не торопись». Я не тороплюсь, мой родной. Изю всех сил не тороплюсь. Жизнь торопит.

Это я, твой сын, Юра.

